

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Руби Диксон

"Перемены к лучшему"

Серия: Укус медведя (книга 1)

Автор: Руби Диксон

Название на русском: Перемены к лучшему

Серия: Укус медведя_1

Перевод: Сандра

Бета-коррект: Таня Фрэшка (1-7 гл)

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Таня Медведева

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Есть точный перечень того, что находится под запретом у медведей Пайн Фоллс, и люди — одно из них. Это настоящая головная боль, потому что я по уши влюбился в Аделаиду Лоран, как только она своими женственно плавными движениями ступила на тротуар этого города. От обстоятельства, что она — запретный плод, мои фантазии становятся лишь еще более сладостными.

Но когда она соглашается отправиться в туристический поход на выходные с крупнейшей шишкой города, — самое время, чтобы медведь вмешался и заявил права на свою пару.

Мне плевать, нарушаю ли я этим правила. Она — моя, и пора ей об этом узнать.

Глава 1

Коул

— Ты вообще собираешься хоть что-нибудь с этим делать, или будешь просто стоять здесь и выть на луну, как дебильный волк?

Лео Прюфакс не нуждался в ответе, поэтому я не стану даже напрягаться, чтобы отвечать. Для этого мне потребуется отвлечь внимание от пышной фигуры на другой стороне улицы, шедшей к себе в магазин, чтобы начать рабочий день. Кто-то из медведей пьет по утрам кофе. Кто-то делает глоток Ред Булла*, чтобы проснуться. А я? А я стою прямо внутри своего магазина и наблюдаю, как Аделаида Лоран вылезает из этой коробки из-под обуви — её машины — и отпирает дверь в свой спа-салон — тот самый, который, как утверждали местные жители, не протянет и месяца. Ну вот, три года спустя, она всё ещё здесь. Всё ещё процветает. И всё также делает мои яйца более синими, чем воды в Баундари-Уотерс**.

*прим.: Ред Булл (eng. Red Bull) — энергетический напиток.

**прим.: Баундари-Уотерс (eng. the Boundary Waters) — Баундари-Уотерс — цепь водных объектов на американо-канадской границе. Система, состоящая из рек, озёр и затопленных участков протянулась на 250 км от западной оконечности озера Верхнее до озера Ла-Круа. Канадская сторона расположена на территории провинции Онтарио, носит название Баундари-Уотерс — Вояжёр-Уотервей (дословно, Баундари-Уотерс — водный путь вояжёров) и входит в систему охраны рек страны. Американская сторона расположена на территории штата Миннесота, носит название Баундари-Уотерс Уайлдернесс (eng) и также охраняется государством.

Стоя возле меня, Лео в крайнем смятении качает головой.

— Парень, ты позоришь свой клан.

Он хлопает меня по плечу, и его удар достаточно жёсткий, чтобы у меня аж зубы застучали.

Если бы Лео проделал то же самое с человеком, то тот получил бы переломы костей, и именно поэтому, каждое утро, вот уже на протяжении трех последних лет, я стою в своём магазине, наблюдая за Аделаидой, вместо того, чтобы привозить её на работу после приятных ежедневных утренних занятий любовью.

Аделаида — соблазнительная девушка «с мясом на костях», но она — всё ещё остаётся человеком и слишком слаба для зверя вроде меня. Даже в своём человеческом

облике я вдвое крупнее неё. Я крупный всем телом, и до сих пор лишь весьма немногим человеческим женщинам удавалось с легкостью принять меня. Просто Аделаида не такая, как они.

Проблема в том, что у меня даже не встаёт ни на кого, кроме неё. С тех пор, как три года назад она, покачивая своей очаровательной попкой, заявила на городском собрании, объявив о своих дальнейших планах по развитию, мой член всякий раз проявляет заинтересованность лишь тогда, когда рядом она.

Поначалу это была всего лишь здравая мужская оценка. С этой красной помадой на губах и светлыми волосами с крупными кудрями Аделаида походит на кинозвезду пятидесятых. У меня слюнки текут лишь от одной мысли о том, какой на вкус оказался бы один из её полных сосочков. С головы до пальчиков ног она — лакомый кусочек.

Любой медведь из плоти и крови перевозбудился бы от одного лишь её вида. Но время шло, и моё оценивающее признание превратилось в вожделение, которое к настоящему моменту уже переросло в одержимость. И сейчас меня вообще никто, кроме неё, больше не интересуется, а вот это, черт побери, довольно-таки паршиво.

Дверь в спа позади неё захлопывается, и я, наконец, отворачиваюсь.

— Я волнуюсь за тебя, брат, — Лео следует за мной за прилавок к кассе и поверх своей кофейной кружки наблюдает, как я перепроверяю мелкую наличку в выдвижном ящике в кассовом аппарате. — За весь прошедший месяц ты вообще хоть раз трахался? В прошлые выходные те девчонки из Ванкувера прямо накинудись на тебя, но из-за всего того энтузиазма, которое ты им выказывал, с тем же успехом мы могли бы находиться на соревнованиях детсадовской лиги.

— Они были малолетками, — отвечаю я резко.

— Шестнадцать — это возраст, при достижении которого девушка имеет право вступать в сексуальные отношения, — утверждает Лео. — Кроме того, им было не меньше восемнадцати, и я переспал с двумя из них, к тому же они на самом деле оказались равными по силе на целую пуму.

— Тебе двадцать восемь, — отмечаю я сухо. — Не думаю, что сношения с восемнадцатилетними подростками, даже двумя из них, делает девочек пумами.

— Они выли и царапали меня чуть ли не до усрачки, а повадки у них были, ну, в общем, как у зверей, — он тянется огромной рукой через своё плечо, чтобы потереть на себе несуществующие царапины. Лео ведёт себя скорее как детёныш, чем достигший полной зрелости медведь, коим он и является. — К тому же, на следующее утро они обе ушли целехонькими. Правда, уходили они странновато, потому что в постели я был совершенно потрясающим, а единственное, что их волновало, — когда я возвращаюсь обратно в город.

— Эти женщины являются частью южного клана Ванкувера, — напоминаю я ему. — Они не люди.

— Ты должен выбросить эту хрень с «угрюмо пялиться» из своей головы. Это ненормально. Ведь было уже множество спариваний между людьми и медведями.

— Назови хоть одно, — призываю я.

Лео открывает рот, чтобы оспорить это, но потом закрывает его. Затем пытается снова. В итоге он говорит:

— Ну, Грейс и Скотт Барнсы.

— Среди них человек — Скотт, а не Грэйс. Я не лягу в постель с человеком, и не важно, насколько она прекрасна.

Лео дёргает себя за ухо, а потом допивает кофе.

— Ну, если сможешь жить с тем, что она встречается с другим парнем, тогда, конечно, давай, продолжай просто пялиться в окно.

Я захлопываю выдвижной ящик сильнее, чем необходимо, в результате чего от резкого металлического лязга Лео подскакивает.

— Видимо, это и есть ответ, — бормочет он.

Мне повезло, что кассовый аппарат изготовлен из промышленной стали. В противном случае я бы сломал его. От одной лишь мысли о другом мужчине между раздвинутых бёдер Аделаиды мне так и хочется сорвать этот аппарат с деревянного прилавка и врезать им по лохматой белокурой голове Лео. Я убираю руки от счетного механизма из тяжелого металла и делаю пару глубоких вдохов.

— А тебе разве никуда не надо? — спрашиваю я, как можно более ровным и спокойным голосом. Лео — мой кузен, и я знаю, что моя мама была бы против того, чтобы я притащил домой его задницу окровавленной и искалеченной.

— Вообще-то нет, — он поплёлся в подсобку, чтобы поставить кофейную кружку. — На этой неделе я помогаю Илу с новой корпоративной группой туристов, но мне не нужно идти туда раньше вечера.

Я провожу пальцем вниз по списку следующих туристов. Сегодня прибывают три группы. Пайн-Фолс, штат Миннесота, в зимнее время предлагает катание на собачьих упряжках, катание на беговых лыжах, зимние походы, посещение центров спасения бурых медведей и волков. А летом у нас непрекращающийся поток любителей активного отдыха на открытом воздухе, катающихся на каноэ и байдарках по прозрачным водам озер Баундари-Уотерс.

Ил — не единственный в этом городе, кто предлагает коллективные походы с ночевкой, но он лучший, потому что его проводники знают местность лучше кого бы то ни было, в отличие от Пэта Самсона, который, судя по всему, забронировал тур на следующие три дня.

Я мотаю головой. Ума не приложу, как этот гадёныш умудряется оставаться в бизнесе. Он не может организовать группу местных жителей Пайн-Фоллс и провести их по главной улице без того, чтобы кто-нибудь из них не причинил самому себе увечья.

— Смотрю, у Пэта Самсона ожидается очередная группа, — я резко переворачиваю лист бумаги, чтобы показать Лео.

Он хмурит брови.

— В один прекрасный день это чучело точно кого-нибудь прикончит.

— Сообщи Илу. Может, он пошлёт какого-нибудь проводника присмотреть за группой Самсона.

Раздаётся звон колокольчика над дверью, извещая о том, что у нас посетитель. Я проверяю свои часы. Даже восьми ещё нет.

— Мы ещё не открылись... — я начинаю выкрикивать, но слова застревают у меня в горле, когда вижу, кто пришел.

— Я знаю, что вы ещё не открываетесь, — отзывается Аделаида весёлым голосом. — Всё же я надеялась, что вы могли бы мне помочь.

— Скажи ей, что можешь помочь ей выбраться из одежды, — шепчет Лео, пробурчав под нос.

Не обращая внимания на Лео, я вхожу в основной зал.

— Конечно. Чем могу помочь?

Я засовываю руки в карманы джинсов, чтобы не протянуть руку и не схватить Аделаиду. Этим утром она выглядит, словно свежий персик. Её прекрасная кожа сияет, будто эта женщина светится изнутри.

Она — самое красивое существо, которое мне когда-либо доводилось видеть, а ведь в Баундари-Уотерс полным полно красивых существ. Природа во всей своей красе: чистая и нетронутая дикая местность, дикие животные, вода столь прозрачная и чистая, что можешь видеть песчаное дно, и совершенно не важно, насколько глубок этот водоём. Но ничто из всего этого не выдерживает сравнение с Аделаидой.

Я пожираю её глазами — это всё, что я позволяю себе. Наблюдать за ней — вполне подходит. Прикасаться к ней — нет.

— Вы ведь в курсе, что я наняла дочку Миллера выручить меня на этих выходных, верно?

Я киваю головой. Совсем немного того, чего я не знаю про Аделаиду. Она любит крепкий кофе по утрам, но я не имею ничего против этого, хотя сам предпочитаю чай, обильно подслащённый мёдом. У неё добросовестное отношение к работе. Её спа-салон открыт шесть дней в неделю, а ещё примерно полгода назад она была там каждый божий день. Но Аделаида наняла дочь Дина Миллера, а рабочую неделю сократила до пяти дней в неделю. Понедельники для меня настоящий кошмар, потому что я теперь вообще не вижу Аделаиду.

— Ну... э-э-э... я наконец-то решила отправиться в поход. Боюсь, я, наверное, единственная во всем Пайн-Фоллсе, которая пока ещё не присоединилась ко всем этим кемпинговым забавам, — она хлопает в ладоши, и оба кольца, которые она носит, сверкают при свете ламп.

Поначалу, когда Аделаида появилась в городе и носила эти кольца, я подумал, что она уже занята, но я разузнал, что это — всего лишь красивые вещицы, которые она предпочитает носить.

Лучше бы она была занята. Может, тогда я не был бы так чертовски одержим ею.

— Это же хорошо, — в итоге говорю я, когда осознаю, что она ждёт от меня ответа. — Вы пойдёте с Франсин?

Франсин владеет в городе кофейней и управляет какой-то девичьей коммерческой организацией. Мужчины туда не допускаются. Лишь женщины, которые имеют бизнес или заинтересованы в создании бизнеса.

— Нет. Я пойду с Пэтом Самсоном.

— Вы, что? — рычу я. Моя Аделаида зависнет где-то с Пэтом Самсоном?

Позади себя я слышу, как Лео хрюкающе посмеивается.

Из-за моей внезапной вспышки гнева Аделаида лишь озадаченно моргает глазами.

— У вас какие-то проблемы с Пэтом Самсоном или только исключительно со мной?

— С чего бы это у меня должны быть проблемы с вами? — рычу я. — Пэт Самсон — дерьмовый проводник. Будь сейчас зима, я не позволил бы вам пойти. Он бы вас там прикончил.

— Вы бы мне не позволили? — она упирает руки в бёдра, и мои глаза опускаются на стянутую талию. Мои ладони с лёгкостью могли бы обхватить её. — С каких это пор вы решаете, когда, где и с кем я могу разбивать лагерь?

— Как же я всё-таки рад, что пришёл сюда этим утром, — бормочет Лео, чуть ли не прыгая от радости.

Я отрываю свой взгляд от её широких бёдер и, резко подняв глаза, вижу, что она пристально смотрит на меня. Даже это меня возбуждает. И, если честно, мне плевать, если она разозлилась. Пусть лучше она злится на меня, нежели отправится куда-то с Пэтом Самсоном, который использует свои туристические походы, чтобы трахать одиноких женщин, подвергая их множеству опасностей.

— Я бы не позволил своему злейшему врагу отправиться в поход с Самсоном, — тяжело топая, я иду за прилавок и со всего размаху шлепаюсь задницей на стул.

— Вот дубина, — прокашливает Лео, прижимая ко рту ладонь.

— Ваш злейший враг — это я? Вы это хотите сказать? — голубые глаза Аделаиды грозно впиваются в меня.

— О чём вы говорите, женщина? Я никогда не говорил, что вы мой злейший враг, — я скрещиваю руки на груди и свирепо смотрю на неё в ответ.

— Ладно. Ну, хоть что-то, — она вскидывает руки. — Вы собираетесь помочь мне найти соответствующее снаряжение или нет?

— Нет. С Самсоном не безопасно, а я не собираюсь помогать ему затаскивать вас в лес, где вы можете быть ранены или того хуже, — от одной мысли, что она с Самсоном, меня выворачивает наизнанку.

Она крадучись подходит к прилавку и хлопает ладонями по полированной деревянной поверхности. Когда Аделаида наклоняется вперёд, ткань вокруг её нежных грудей расходится и предоставляет мне во всей красе зрелище её пышной плоти. Прежде чем я способен заставить себя отвести взгляд, образ её идеальных грудей отпечатывается у меня в мозгах.

— Приведите мне хотя бы одну вескую причину, почему я не должна пойти, и я не пойду.

Зверь внутри меня таится буквально под кожей, и прямо сейчас он продирается на поверхность, желая выбраться наружу. Вся моя выдержка уходит на то, чтобы не бросить эту женщину прямо на прилавок, не задрать её юбку и вбиваться в неё на глазах у Лео и любых других чертовых людей, которые могут войти в эту дверь.

— Вам там не место, — говорю я резко.

— Вы кретин, Коул Брэкстон. Симпатия, конечно, но полный кретин, — она разворачивается на своих изящных ножках и быстро выходит.

Когда дверь позади неё закрывается, я выдыхаю с чувством облегчения и глубокого сожаления. Я уже скучаю по ней, но она — слишком большое искушение, чтобы постоянно находится рядом с ней.

— Старик, она хочет тебя. Она практически преподнесла себя готовую на блюдечке, а ты её отшил, — говорит Лео жутко возмущённым голосом.

— Я не намерен причинять ей вред.

— Но ты отпускаешь её с Самсоном?

Я не могу позволить этому случиться.

Глава 2

Аделаида

«Только послушайте его! Да кем Коул Брэкстон себя возомнил?»

Как ураган, без единого предмета походного снаряжения, я несусь обратно в «Побалуй Себя», зажимая в кулаке мой список. Мне так долго пришлось выискивать предлог, чтобы пофлиртовать с Коулом. С тем же успехом можно сразу сдаваться. Это всё равно, что флиртовать с пнём. Чертовски раздражающим пнем.

Вернувшись обратно в свой SPA-салон, я скриплю зубами, когда захожу за стойку, чтобы включить фонтанчик внутри салона, расположенный рядом со стойкой регистрации. Я включаю компакт-диск с кельтской музыкой и привожу в порядок журналы в приемной. Требуется немного времени, прежде чем моё дрянное настроение успокаивается, а ещё умиротворяющие звуки арки Энии* не дадут мне потерять над собой контроль.

*Прим.: Эния (англ. Enya, полное имя Эния Патр́и́ша Ни Бр́еннан , ирл. Eithne Pádraigh Ní Bhraonáin) — ирландская певица, автор музыки к фильмам. Проживает в замке Мандерли в Дублине, Ирландия. Младшая сестра певицы Мойи Бреннан.

Даже не знаю, почему я так переживаю. Я уже три года живу в Пайн-Фоллс, и мой бизнес процветает, хотя все, кажется, смеются надо мной. Главная фишка этого городка — пешие походы, кемпинги, катание на собачьих упряжках и всевозможные безумства, когда парни пытаются выпендриться во время отпуска. Вполне закономерно, что это показалось мне прекрасным местом для создания SPA-салона. Ну, чтобы дать возможность оторваться по полной приехавшим отдохнуть «мамочкам». Папочки могут поохотиться на медведя, отслеживать волков, или чем еще они там занимаются, а мамочки могут побаловать себя в SPA-салоне. В результате, все проводят великолепный отпуск.

И всё складывается просто чудесно. В межсезонье у меня вполне хватает работы от местных жителей, которые хотят получить процедуры маникюра и педикюра. В туристический сезон — меня бронируют наперёд. Можно было подумать, это обеспечит мне хоть чуточку уважения от других местных предпринимателей.

Не-а. В особенности Коул, он смотрит так, будто хочет раздавить меня, как букашку, и постоянно неодобрительно хмурится. Я одергиваю руками мою праздничную, кокетливую юбочку. «Мне стоит отказаться от попыток сломить его. Может, ему не нравятся блондинки? Может, он водится только с худющими девицами? А я скорее приятно пухленькая».

Но от одной только мысли о том, чтобы искать себе другого парня, меня начинает мутить от отвращения. Не то, чтобы здесь не было много горячих парней. Этот городок просто кишит ими, и все они выглядят до нелепости неестественно с их накаченными телами. Однако в Коуле есть что-то, что просто сводит меня с ума. Может, это потому, что его магазинчик туристических принадлежностей находится прямо напротив моего SPA-салона, и я целыми днями вижу его на улице? Мы сталкиваемся друг с другом каждое утро, заскочив купить наш утренний кофе. Я отправляю своих клиентов к нему, а своих он отправляет ко мне. Всякий раз, как не посмотрю, Коул там, и он прямо-таки разжигает моё либидо своими огромными, мускулистыми руками и этими своими взлохмаченными

тёмными волосами, спадающими на лоб, при этом вытворяя с моими яичниками всякие глупости.

«Ведь если девушка мечтает отдать свою девственность, она, по крайней мере, может выбрать для этого наиболее яркий экземпляр, верно?»

Но после трёх лет флирта в местном кафе, надевания блузок с открытым декольте, чтобы отдать ему почту, которая систематически попадает в почтовый ящик моего SPA-салона, и ношения обтягивающих юбок — ни черта из всего этого не работает!

И тут, пару дней назад, Пэт Самсон предложил мне принять участие в его следующем пешем походе. Три дня сурового отдыха, вдали от людей, в дикой природе. Мне казалось, что было бы неплохо показать Коулу, что я намного жёстче и выносливее, чем, возможно, он думает. Что под моими блеском для губ цвета леденцов и розовыми ногтями, я — крутая, вполне способная цыпочка, которая в силах справиться с любым тестостероном, свалившимся на меня. Что я могла бы быть подходящей потенциальной девушкой.

И, чёрт возьми, это был повод зайти в его магазинчик и наклониться над стойкой так, чтобы мои груди практически вывалились наружу!

И что сделал этот мужчина? Обозвал меня идиоткой и вышвырнул за дверь.

Я окончательно умываю руки. Из того, что я по уши влюбилась в Коула, ничего не получится. Настала пора признать поражение и двигаться дальше. Может, во время похода мне встретится какой-нибудь горячий парень.

Может, я просто вернусь домой и подарю своему вибратору-пуле очередной раунд, предаваясь мечтам о Коуле.

Я достаю свой планировщик дел и просматриваю перечень приемов, которые назначены у меня на сегодня. Когда поднимаю глаза, вижу, что через улицу идет Лео, направляясь в мой SPA-салон.

Я выпрямлюсь и поправлю свои волосы, придавая им объём, ну, на всякий случай, если его сюда прислал Коул. После этого, притворяясь, что у меня тут прям куча дел, я смотрю в свой планировщик и делаю примечания, будто вся в делах и держу руку на пульсе.

Звон колокольчика раздается над дверью, как только она открывается, я поднимаю глаза, встречая посетителя с улыбкой на лице.

— Привет, Лео. Что привело тебя сюда?

Лео улыбается мне, выставляя напоказ жемчужно-белые зубы на фоне своей загорелой кожи. Хотелось бы мне, чтобы меня влекло к нему, вместо того, чтобы заикливаться на раздражительном Коуле. У Лео легкий характер, к тому же он очень дружелюбный.

— Мне кажется, мы оба прекрасно знаем, что я здесь, чтобы извиниться за Коула.

Я фыркаю.

— Он что, ещё не дорос настолько, чтобы надеть штанишки взрослого мальчика и лично извиниться передо мной?

Лео пожимает плечами.

— Дело не в этом. У него просто... слегка сносит крышу, когда ты рядом.

«Ну да. Совсем слегка сносит крышу, что он из кожи вон лезет от бешенства. Какого чёрта я осмелилась красить свои ногти в их курортном городке, перегруженном тестостероном?»

— Он просто болван. Я стараюсь изо всех сил, пытаюсь быть с ним милой, а он разговаривает со мной, как с идиоткой.

Лео мотает головой и садится на одно из розовых девчачьих сидений в моей приёмной. Он поднимает женский журнал и хмурит лоб, разглядывая картинки.

— Не-а, — говорит он, не отрывая взгляд от журнала. — Ты буквально задела его за живое из-за той чепухи с Пэтом.

— А что не так с Пэтом?

— Пэт — тот еще debil.

«Серьёзно? Мы опять вернулись к этому?»

— Пэт Самсон — очень приятный мужчина. Он сказал, что специально для меня оставил место в своём следующем туристическом походе.

— Готов поспорить, что он это сделал, — бормочет Лео.

Я достаю поднос с лаком для ногтей разных цветов и начинаю проверять бутылочки на наличие пересохшей краски.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего, — растягивая слово, говорит Лео, переворачивает журнал наперекосяк, а затем бросает его в сторону. — Коулу просто не нравится сама мысль о том, что ты идёшь в поход с Пэтом.

— Пэт сам предложил!

— А Коулу это совсем не нравится.

В раздражении, я опускаю бутылочку с бронзово-серым лаком на поднос сильнее, чем должна.

— О, Господи! Почему бы этому мужчине просто не помочиться мне на ногу, чтобы пометить меня как свою территорию?

— Это присуще волкам, а не медведям.

Я вскидываю голову, чтобы посмотреть на него.

— Чего?

Лео отмахивается рукой.

— Ничего, — Лео настолько энергично соскакивает со стула, что тот отодвигается назад. — В общем, я пришёл спросить, хочешь ли ты, чтобы тот инвентарь для тебя собрал я, раз уж Коул вёл себя как придурок?

— О-о-о! Это было бы здорово. Спасибо тебе, Лео, — я лучезарно ему улыбаюсь. — Этот список у меня прямо тут... э-э-э..., — я наклоняюсь и выхватываю смятый комочек прямо из мусорного ведра, а затем прилагаю все усилия, чтобы разгладить бумагу, прежде чем передать её Лео. Я чувствую, как у меня горят щёки.

Лео лишь покачивает головой и хихикает.

— Ладненько. Посмотрю, что смогу собрать, и позже отправлю тебе SMS-ку с итогами. Можешь заскочить и оплатить счёт после закрытия.

— Было бы чудесно. Огромное спасибо, Лео. Правда. Ты — отличный друг.

Он изучает список, и тут его губы снова растягиваются в ту его ложно-скромную улыбочку.

— Ты не внесла в этот список презервативы.

— Я... я прошу прощения?

— Презервативы, — он стучит кончиком пальца по листу бумаги. — Хочешь, чтобы я упаковал несколько для тебя?

Нервный смешок срывается с моих губ.

— С чего бы они могут мне понадобиться?

Лео пожимает плечами.

— Просто так. Мне пора приступать к сбору по твоему списку. До встречи, Аделаида.

— До встречи.

Пребывая в недоумении, я наблюдаю, как он уходит. Неужто он и правда думает, что во время похода с Пэтом я планирую кого-то подцепить? Это же абсурд! Единственный, кого я хочу подцепить, — это Коул... который не отвечает мне взаимностью.

Я глубоко вздыхаю. Видимо, я и впрямь по уши влюблена. Может, от нескольких дней в лесу мне станет лучше?

***

— Вот ваш халат, — говорю я миссис Вессон, когда веду её в комнату номер два. — Я дам вам несколько минут, чтобы переодеться и выбрать аромат массажных масел, я немного подожду и тогда вернусь обратно.

Я ободряюще ей улыбаюсь.

— У вас есть лаванда? — спрашивает она немощным голосом. Миссис Вессон девяносто лет или около того. Она приходила сюда каждый понедельник этого месяца и всегда заказывала лаванду.

— Конечно же, есть, — я выпускаю её в комнату и закрываю позади неё дверь, когда раздаётся звон колокольчика над входной дверью. Нахмурившись, я переворачиваю табличку над комнатой номер два на «занято», а потом возвращаюсь в приёмную. Сегодня после обеда у меня больше никого из клиентов на очереди нет, и я никогда не принимаю без предварительной записи.

Я более чем немного удивлена увидеть, что Пэт Самсон стоит в моём SPA-салоне и смотрит на мой Дзэн фонтанчик. В одной руке он держит свою камуфляжную бейсболку, а в другой — снова и снова сжимает какой-то документ.

— Привет, Пэт. Что привело вас сюда? — я сохраняю свой голос приятным, хотя при виде Пэта в животе у меня завязывается весьма странный узел.

Не может быть совпадением, что Коул говорит мне, что не хочет, чтобы я отправлялась в поход с Пэтом, а спустя несколько часов тут объявляется сам Пэт. На мой взгляд, всё это слишком странно.

Пэт кивает мне головой.

— Просто решил заехать и узнать, может у вас возникли какие-либо вопросы насчёт похода в эти выходные? Погодные условия в порядке для такого долгого похода.

Я немного расслабляюсь. Он просто пытается быть дружелюбным. Это никак не связано с этим болваном Коулом.

— Я тоже иду. Лео собирает для меня кое-какое походное снаряжение.

— Не забудьте какую-нибудь тёплую одежду. Ночь в пятницу может быть холодной, — он окидывает меня игривым взглядом. — Хотя, я бы, конечно, не возражал, если бы вы захотели, лечь рядом со мной, свернувшись калачиком.

Я начинаю хихикать, потому что довольно неплохо иметь такого парня, который флиртует с тобой.

— Отличная попытка. У меня будет свехутепленный спальный мешок. Но благодарю вас за предложение.

Он подмигивает мне.

— Не говорите потом, что я не пытался.

— Не скажу, — соглашаюсь я. И просто по привычке я бросаю взгляд на магазинчик спортивных товаров Коула. Если прищуриться, то можно разглядеть лицо, которое уставилось сюда.

Так и представляю себе свирепый взгляд Коула. *«Он видел, как сюда вошёл Пэт? Это окончательно выводит его из себя? Вот и отлично!»* Хочу, чтобы он там еще малость покипятился. Я всё ещё не оправилась от боли после того, что случилось этим утром.

А из-за того, что вспомнилось то неуважение, я отбрасываю волосы назад, наклоняюсь вперёд над моей стойкой и улыбаюсь Пэту.

— Итак, мы увидим каких-нибудь диких животных во время этого похода? Я хотела бы взглянуть на оленя.

«Выкуси, Коул!»

Глава 3

Коул

Группа туристов Пэта Самсона объявляется около четырёх пополудни. Они молоды, привлекательны, и жизнь так и искрится в них. На Интернет-странице Самсона для путевых заметок выставлены многочисленные фотографии, где он, слегка вспотевший, голый по пояс, держит топор через плечо. Шастать летом по Северным лесам без рубашки — означает напрашиваться на болезнь Лайма.

*Прим. Болезнь Лайма — инфекционное заболевание, чаще всего передающееся посредством взаимодействия с инфицированным клещом.

Тем не менее, дамочки обожают подобное дерьмо. Ходят слухи, что во время каждого похода Самсон укладывает в свою постель, по крайней мере, одну из своих туристок. Не знаю, правда это или нет, но Аделаида ни в коем случае с ними не пойдёт.

Ни за что.

Я держу язык за зубами, когда дамочки порхают по магазину, воркуя насчёт вырезанных статуэток из дерева, которые Мэл Стэндард вырезает ножом в своём уединённом коттедже с другой стороны озера. Если эти женщины выбрали своего проводника для похода, основываясь на количестве масла, которое Самсон проливает на себя, чтобы сфотографироваться, вместо реальных отзывов многих рассерженных и несчастных клиентов, то, что бы там ни случилось, они этого заслуживают. Всё же... после того как последняя из них вылетает за дверь, я поднимаю трубку, чтобы позвонить.

— Пайн Лодж Резорт, — отвечает юноша.

Судя по дрожи в его голосе, должно быть, это Диллон. Диллону тринадцать, и в настоящее время он подвергнут множеству изменений из-за своего полового созревания. В любом отдельно взятом времени дня его голос мог на две октавы отличаться от того, каким был в последний раз, когда ты с ним разговаривал.

— Диллон, это Коул Брэкстон. Мне нужно поговорить с Илом.

— У него сейчас группа.

Я в раздумьях чешу себе затылок.

— Возьми ручку, — мальчишки Зольберга постоянно всё забывают. Я слышу, что на другом конце линии Диллон роется в, по крайней мере, четырёх ящиках, прежде чем возвращается обратно к телефону.

— Достал.

— Запиши, что утром завтрашнего дня в поход отправляется группа из трёх женщин, с Самсоном в качестве их проводника.

— Ну, вообще-то четырёх, — Лео в своей беззаботной манере входит обратно и начинает собирать с полки вещи, имеющиеся в продаже. Я сужаю глаза.

— Четырёх? — щебечет своим голосом Диллон.

— Трёх, — решительно заявляю я, свирепо впиваясь взглядом в Лео. Его это совершенно не беспокоит.

— Ну ладно. Что ещё? — спрашивает он.

— Это всё. Твой дядя будет знать, что надо делать, — я вешаю трубку и разворачиваюсь к прилавку.

Лео держит в руке лёгкий по весу рюкзак.

— Это твой самый лучший женский рюкзак? Я должен быть уверен, что подобрал самый лучший.

Я выхватываю рюкзак из его рук и вешаю обратно на крючок. Скрестив руки на груди, я злобно зыркаю на Лео.

— И чем ты тут занимаешься?

— Тебе следует ещё раз перезвонить Илу и сказать ему, что речь идёт о четырёх женщинах. Не хочу, чтобы он упустил группу Самсона только из-за ошибки при подсчёте, — в его глазах танцуют черти, когда он подтрунивает надо мной. Чтобы догадаться, кто именно является одной из этой четвёрки, не требуется огромных умственных способностей.

— Она никуда не идёт, — заявляю ему я. Биение пульса внутри висков начинает пускаться вскачь.

— О! Конечно же, она идёт, — он снова снимает рюкзак со стены. — Я только что там был, и она сама мне сказала, что с огромным нетерпением ждёт этого. Из-за SPA-центра это её первый настоящий отпуск, и она хочет испытать настоящее приключение на природе.

Я вырываю у него рюкзак и уношу его в подсобку. Лео несётся вслед за мной.

— Она не получит от этого похода никакой пользы, за исключением того, что малость поотбивается от кишасих чёртовых насекомых и наглотаётся дерьмовый воды. От причинённого организму вреда она вернётся домой ослабленной и дней пять не сможет работать в своём заведении. Тогда она возненавидит этот городок и переедет в Миннеаполис, где встретит какого-нибудь педикоподобного писаря с отвисшим задом и будет от скуки лишаться с ним рассудка.

Его брови взлетают на лоб.

— Вижу, ты нисколько об этом не думал.

Я сжимаю челюсти и отворачиваюсь в полном отчаянии. Конечно, я хочу Аделаиду. Я хотел её целых три грёбанных года, но самое ужасное то, что... я предпочел бы, чтобы

она отыскивала себе писаря, чем умерла, потому что я не в силах удержать под контролем свои животные инстинкты и желания.

— Прямо сейчас позаботься о её безопасности.

— Я не могу этого сделать, — напевает он оживлённо, с улыбкой на лице, словно я только что вырвал наружу всё своё нутро и разложил на пол ему для обозрения. — Я ведь уже сказал Аделаиде, что помогу ей. Если ты и вправду считаешь, что ей не стоит отправляться в этот поход, тебе придётся самому остановить её.

Меня окружает куча идиотов.

— Следи за кассой.

Я не обращаю внимания на сдавленный, фыркающий смех, сопровождающий меня до парадной двери. Не прошло и десяти секунд, как я уже открываю дверь в SPA-салон Аделаиды и вхожу внутрь. Тусклое освещение и спокойная музыка никоим образом не помогают ослабить стуки у меня в голове.

— Аделаида здесь? — я сдерживаю своё раздражение и предпочитаю улыбнуться маленькой помощнице Аделаиды.

Она строит гримасу и указывает вниз по коридору.

— Она в своём офисе.

Офис Аделаиды совсем крошечный, а пахнет в нём — вот же чёрт — как в благоухающей ароматами бане. Я должен сваливать отсюда. Я разворачиваюсь и выхожу обратно.

— Простите, я лучше подожду вас снаружи.

— Нет, проходите, Коул, — Аделаида выскакивает из-за своего глянцевого белого стола, и от этого движения её груди подпрыгивают.

У меня тут же встаёт. С тех пор, как она переехала сюда, я стал возбуждаться от ароматов моющих средств и шампуней, а это практически все чистящие средства отсюда. Мне приходилось избегать отдела товаров для ванной местного магазина, чтобы не пугать детей и старушек своим неуместным стояком.

Я пытаюсь сбежать в приемную, но Аделаида быстрее меня, и захлопывает дверь прежде, чем я успеваю убрать своё тело из этой опасной зоны.

Она прислоняется к двери, тяжело дыша после приложенных усилий. С каждым вдохом, её груди поднимаются и опадают. Яйца у меня между ног сжимаются, а член тяжело налегает головкой на холодную сталь моей молнии. Из всех дней, чтобы не надевать нижнее белье, это должен был быть именно этот день.

Я делаю себе мысленную заметку о необходимости стирать бельё ещё чаще, чтобы не оказаться незащищённым рядом с Аделаидой. Мне нужно как минимум пять слоёв одежды, чтобы девушка не увидела мою эрекцию, так как в её присутствии у меня всегда стояк.

— Что вы здесь делаете, Коул?

«Что я здесь делаю?» В моём мозгу произошло короткое замыкание, когда она закрыла дверь и приклеилась спиной к деревянной двери. Всего лишь два шага, и я мог бы встать между её мягких бёдер. А ещё одним движением я мог бы задрать юбку её красивого платья ей на шею, а своим членом прижаться к складочкам её влагища. *«Была бы она мокрой?»*

Я делаю глубокий вдох, и меня потрясает аромат её возбуждения. Обоняние у медведя лучше, чем у собаки, волка, и определенно лучше, чем у человека. Никогда

прежде я не чувствовал этот аромат на ней. Наверное, я никогда не был к ней настолько близко. Наверное, я был слишком заиклен на попытке спастись, прежде чем она осознает, что всякий раз, когда она находится в радиусе пяти миль от меня, мой член хочет основательно зарыться в её тело.

Вопреки здравому смыслу я делаю этот шаг. А потом ещё один, пока мы не настолько близко, что, когда она задыхается, её затвердевшие соски, сквозь тонкую ткань её платья, трутся о мою грудь.

Где-то на задворках моего сознания срабатывает предупреждающий сигнал, но пролетающая мимо моих ушей стремительным потоком кровь делает невозможным услышать что-либо, кроме нашего хриплого втягивания воздуха.

— Аделаида, вам стоит держаться от меня подальше, — шепчу я хрипло. Жар мчится по моему позвоночнику, нагревая меня до отчаянной точки кипения, из которой имеется лишь один выход. Приложиться своими губами к её губам.

— А вы заставьте меня.

Я ничего не могу с собой поделать. Я прижимаюсь губами к её губам. В смысле, я намерен наказать её за то, что она такая чертовски сексуальная, за отказ держаться от меня подальше, за то, что она осмелилась проводить время вместе с этим засранцем Самсоном. Но в тот момент, когда я чувствую, что её мягкие губы приоткрываются под моими губами, я пропал. Она заполучила меня и владеет мной с того самого момента, как она коснулась тротуара этого городка своими красивыми пальчиками ног.

«Я так долго с этим боролся и ради чего?» Сейчас я даже не могу вспомнить, почему держался от неё подальше. Я ласкаю языком внутри её ротика. Она издаёт стон, и от этого я чувствую себя ростом в тысячи футов. Заряженный мощью этого единственного поцелуя, я мог бы выйти наружу и уложить целый лес деревьев.

Я протягиваю руки ей за спину и приподнимаю Аделаиду против своего твёрдого, как алмаз, члена. Потребность быть внутри неё становится беспрестанным барабанным боем в моей голове. Я должен заявить на неё свои права. Немедленно.

Она обхватывает меня ногами, и я направляю свой член к щели у неё между ног. Девушка вздрагивает и начинает объезжать меня. Сквозь ткань моих джинсов, сквозь тонкую ткань её платья, сквозь какие бы там ни были крохи кружев и тканей, покрывающих её киску, могу поклясться, что ощущаю её жар и влажность. Первое, что приходит в голову, — я совсем близко, чтобы окончательно слететь с катушек. Эта киска, окружающая мой член? Мне это нужно. *«Срань небесная, нужно ли мне это?»*

Я отрываю от неё губы и провожу ими вдоль её челюсти. На вкус она прямо как клубника и счастье. Когда я добираюсь до её ушка, Аделаида наклоняет голову, выставив мне длинную, гладкую колонну шеи.

Я не в силах устоять перед этим приглашением. Её кожа нежнее пуха птенцов. *«Чем она пользуется? Слезами единорога? Матерь божья!»*

— Ты такая чертовски нежная, — бормочу я ей в горло. — Такая мягкая и такая чертовски вкусная.

— А ты настолько твёрдый, — хныкает она.

Слишком твёрдый. Мой член мог бы разорвать её. Моя физическая сила слишком велика для неё. *«Мне не следует быть здесь»*, — напоминаю я себе.

— Аделаида, прошу тебя, — призываю я, оторвавшись от её сладких губ. — Заставь меня уйти.

Она упрямо мотает головой и сжимает свои ноги вокруг меня ещё крепче, потираясь об меня бёдрами.

— Ни за что. Я слишком долго этого ждала.

«Она ждала?»

«Чёрт».

Любые угрызения совести, которые у меня, может, и были, теперь прошли. Мне нужно, чтобы эта юбка исчезла. Мне нужна эта девушка на каком-нибудь столе. Мне необходимо быть между её ног.

Я с размахом разворачиваю её по кругу, выискивая какую-нибудь поверхность, на которую поместить Аделаиду. Единственное, что я вижу, — это её стол. На нём бутылочки, бумаги и прочий хлам.

Я, запинаясь, направляюсь к нему, спотыкаяюсь об стул, чуть не уронив её. Она вскрикивает от удивления или страха и сжимает меня сильнее.

— Прости. Чёрт, — мне удаётся заполучить её на стол и усадить на его край, но в процессе этого опрокидываю несколько бутылочек. «Проклятье». — Чёрт, — повторяюсь я. Я пытаюсь привести в порядок этот бардак, но своими большими лапами случайно спихиваю бумаги на пол. Я опускаюсь на колени, чтобы собрать вещи, и мой чрезвычайно каменно-твёрдый член вопит в знак протеста, поскольку он сгибается внутри джинсов.

— Ничего страшного, Коул. Серьёзно. Чуть позже я всё соберу, — Аделаида спрыгивает со своего места и пытается мне помочь.

Каким-то образом моё плечо ударяется о стол, и я с ужасом наблюдаю, как её дорогой ноутбук покачивается, а потом соскальзывает с поверхности вниз. Он падает на пол, и мы оба вздрагиваем от звука разбивающегося стекла.

Похоть, затуманившая мой разум, как только я вошёл в этот офис, в конечном счете, сгорела напрочь. Я встаю на ноги и смотрю на место разрухи. Бумага и разбитые бутылочки лежат в сплошном, промокшем беспорядке у наших ног. Компьютер лежит на боку, но стеклянный экран однозначно разбит.

Стол наклонен, а один из стульев опрокинут. Аделаида поднимает и пропускает руку сквозь свои волосы. Я отворачиваюсь, прежде чем смогу увидеть в её глазах ужас и отвращение.

— Ничего здесь не трогай. Попрошу одного из мальчишек Зольберга прийти сюда и всё почистить, — говорю я ей, открывая дверь.

— Ты что, уходишь? — спрашивает она огорченно.

— Разве я уже не достаточно натворил? — я жестом указываю на разруху в комнате.

— Так мы же вместе всё это разгромили. Всё это можно привести в порядок, — она начинает идти в мою сторону. Я выставляю руку, чтобы остановить её. Это — всего лишь малая толика того реального хаоса, который я бы навлёк на неё. Лучше я разрушил в пух и прах её офис, чем навредил бы ей.

Понятия не имею, как обуздать зверя, когда я с ней. Из-за неё я совершенно теряю разум. На выходе, в углу, я замечаю пару походных ботинок. Чёрт. Я совсем забыл, зачем сюда приходил.

— Только не ходи с Пэтом Самсоном, — говорю я грубо.

— Почему?

— Он опасен.

— А ты — нет? — она издаёт гортанное рычание, полное разочарования.

— Именно так. Держись подальше от нас обоих.

Выражение краха на её лице — для меня, словно ножом по сердцу, и я ухожу, прежде чем истеку кровью у неё на глазах.

Глава 4

Аделаида

Когда Коул штормом вылетает из моего офиса, оставив после себя последствия причинённых разрушений, я прикасаюсь к своим губам. Как это ни странно, мне плевать на разбитые компьютер и пробники дорогих духов, которыми теперь пропах весь мой офис.

Мне не плевать на то, что он ушёл. Я предложила себя парню, а он сбегает от меня, как от прокажённой. Чёрт побери! Это больно задевает самолюбие девушки.

Однако... он целовал меня.

Пребывая в полном оцепенении, я не обращаю внимания на беспорядок на полу и возвращаюсь к креслу, позади моего стола. Сажусь и открываю ящик. Мне следует убрать пролитые бутылочки и бумаги. Вместо этого я достаю свой вибратор-пулю.

Господи, да ладно. Да любой девушке пришлось бы занять вибратор в своём столе, если она должна каждый божий день видеть Коула. Под столом я задираю свою юбку и запикиваю вибратор в трусики. Боже, я уже так промокла всего лишь от поцелуя.

Я совершенно сбита с толку, почему он сбежал. Но этот поцелуй — *Господи, что за поцелуй* — будет разжигать мои фантазии на протяжении многих месяцев. Даже годы. Я включаю вибратор, и меня пронзает напор удовольствия, как только тот начинает работать. Я начинаю массировать им клитор, тем временем закрываю глаза и представляю себе лицо Коула, не злая из-за разочарования, а оглушённая желанием. Его подёрнутый дымкой взгляд, когда мои ноги окружили его бёдра. Ощущение колючей щетины на его щеке, когда губы Коула скользили по верху моих.

Я практически тут же кончаю.

***

Коул не возвращается, и в течение следующих пару дней мои похотливые надежды умирают медленной и мучительной смертью. А вместе с крушением моих надежд возвращается и раздражение. *«Да кем себя возомнил Коул? Он не хочет брать меня с собой в поход — Бог свидетель, я неоднократно робко на это намекала — но он также не хочет, чтобы в поход меня водил кто-то другой. Мне что, сидеть и ждать ещё три года, чтобы он поцеловал меня?»*

Просто в этом городе не так уж много развлечений, а мой лицевой счет в онлайн-кинотеатре сводится к предложениям зарубежных художественных фильмов, потому что всё остальное я уже видела.

А на самом деле... единственное, что заставило его поцеловать меня, — это ревность. Так, как же быть с туристическим походом с Пэтом? Определенно «за».

Кроме того, я стратег во всём. Моя квартира расположена на другом конце города, и я решаю отправиться на турбазу в пятницу, прямо с работы. И в обязательном порядке я одеваю «сексуальную» походную одежду. На мне крошечная белая маечка,

выглядывающая из-под красной фланелевой рубашки, искусно сшитой местным портным и подчеркивающая мои груди. Ну, разумеется, я оставляю её расстёгнутой. Подбираю под них пару симпатичных, весьма коротких шорт с карманами и миленькие походные ботинки. Мои волосы уложены в две длинные, кудрявые косички, перекинутые через плечи в стиле Элли Мэй Клэмпетт*, для эффекта не исключена и моя красная помада. Когда я вполне убеждена, что в моём внешнем виде улучшать уже нечего, я проверяю, нет ли следов помады на зубах, использую освежитель дыхания с запахом мяты, после чего надеваю свой рюкзак, чтобы медленной походкой отправиться вниз по главной улице.

*Прим.: Элли Мэй Клэмпетт (англ. Elly May Clampett) — героиня из «Деревенщина в Беверли-Хиллз» (англ. The Beverly Hillbillies) — американская комедия Пенелопы Сфирис 1993 г.

Если Коул и видит меня из своего магазина, он не выходит.

Я жутко разочарована. Даже стараюсь идти немножко помедленнее, ну, на всякий случай, если он занят клиентами. Полный провал. Глубоко вздохнув, я сдаюсь и направляюсь на турбазу.

Пайн-Фоллс — из тех потрясающих туристических городков, где лишь одна главная улица, полная магазинов, которые в большей или меньшей степени ориентированы на турбазу, где начинаются все зимние мероприятия. Более подробных деталей обо всём этом я не знаю — лишь то, что здесь множество лыжников, команд с ездовыми собаками и тому подобное. А мой бизнес связан не столько с самими этими парнями, сколько с их женами, которые остаются в городке, не желая активно заниматься спортом.

Турбаза «Пайн Лодж Резорт» расположена рядом с главной дорогой на подъёме горы, но, таща этот рюкзак, у меня уходит вечность, чтобы туда подняться. Наверное, стоило ехать на машине. К тому времени, когда я подхожу к парадной двери турбазы — месту встречи группы Пэта — я прерывисто и шумно дышу и вся обливаюсь потом, а мои ну-очень-тщательно уложенные кудряшки теперь прилипают ко лбу и шее.

Я заявляюсь на три минуты раньше времени, однако Пэт уже ждёт меня в главном вестибюле турбазы. Он вырядился в похожую на мою фланелевую рубашку, и у нас обоих они расстегнуты на одинаковое количество пуговиц, чтобы сильнее выразить свою сексуальность. На парне... это выглядит довольно стрёмно. Из-за этого я борюсь с инстинктивным желанием тут же застегнуть повыше собственную рубашку.

Увидев меня, Пэт широко улыбается: на фоне загорелого лица его зубы жемчужно-белые, как в рекламе зубной пасты. На самом деле он не сильно смахивает на загорелого человека, так как у него такой вид, будто он использовал спрей для загара. Волосы Пэта идеально взлохмачены на манер, который может быть лишь результатом надлежащих трудов, а его джинсы слишком узкие. Рюкзак, который он натянул на плечи, выглядит совершенно новым, и я не перестаю удивляться внешним видом этого парня. А разве горцы не должны выглядеть несколько... грубее? Пэт определенно метросексуал**. Не то, чтобы в этом было что-то плохое. Ну, просто это кажется странным для гида-проводника по лесу.

**Прим.: Метросексуал или «новый мужчина» — составное определение мужчин, которые живут в мегаполисах и являются активными потребителями самой новой косметической продукции, одежды и других модных и экзотических товаров. Он ухожен, как гей, но при этом предпочитает

женщин. Метросексуальность связана с целым рядом факторов, среди которых — излишняя тяга к моде, экзотической кухне, мюзиклам и антиквариату.

— Адди!

Моя улыбка становится ещё более натянутой. Если говорить честно, я ненавижу, когда меня называют «Адди». Наверное, потому что никто раньше не использовал моё полное имя... за исключением Коула. Чёрт побери, Коул до сих пор не выходит у меня из головы.

Пэт направляется прямо ко мне и широко разводит руки в стороны, и тут я понимаю, что он хочет обнять меня. А вот это уже странно. Оказавшись в весьма неловкой ситуации, я легонько приобнимаю Пэта и быстренько отступаю от него. Видимо, он просто чересчур дружелюбный. Мы периодически общались и болтали о пустяках, но между нами нет ничего такого, что давало бы право на объятия.

— Или же лучше Леди? — говорит он, когда я отстраняюсь.

— А?

— Так как лучше — Адди или Леди?

«Тьфу! Он что, серьёзно?» Требуется немало усилий, чтобы сохранить улыбку на лице.

— Давайте сойдёмся на «Адди», — думаю, меня вырвет, если он и правда начнёт звать меня «Леди».

— Как дела? — он потирает руки и выглядит слишком уж нетерпеливым.

— У меня всё прекрасно, — я бегло просматриваю турбазу, чтобы увидеть остальных туристов. Как раз сейчас здесь практически пусто. «Сезон закончился», — убеждаю я себя. — Похоже, я пришла слишком рано.

Пэт улыбается мне ещё одной ослепительной улыбкой и, сняв с моих плеч мой рюкзак, вешает его на свой.

— Э-э-э... я сама могу нести его, — *«а я абсолютно уверена, что должна принимать участие в этом плане отдыха дикарями?»*

— Что за глупости, — отвечает он и кладёт руку мне на плечо, направляя меня. — И ты не пришла слишком рано. Дело в том, что этим вечером нас только двое.

Встав в позу, я пристально разглядываю его.

— Постойте, что вы сейчас сказали?

— Этим вечером нас только двое, — отвечает он и либо подмигивает мне, либо что-то попало ему в глаз. *«Боже, надеюсь, что последнее».* У меня возникает какое-то странное предчувствие насчёт всего этого.

— Но... мне казалось, что это групповой тур.

— Ох, это так, — уверяет он меня. — К завтрашнему вечеру. А сегодня вечером будем только мы. Ты же говорила, что хочешь очутиться в суровых условиях, поэтому я отведу тебя в одно из моих любимых мест. Нам только придётся быть настороже из-за медведей и других диких животных.

— Не уверена, что мне хочется настолько суровых условий, которые предусматривают появление медведей, — говорю я ему взволнованно. — Может, нам стоит подождать остальных...

— Поверь мне, — говорит он и, снова направляя, обнимает меня рукой за плечи. — Тебе там понравится, обещаю.

— Нет, правда...

Пэт останавливается и выглядит крайне шокированным.

— Ты что, боишься оставаться со мной наедине?

— Что? Не говорите глупостей, — я взмахиваю рукой, пытаюсь выбросить из головы свои опасения. — Ну, э-э-э... мне кажется, немного. Просто, это так странно, понимаете?

Парень наклоняется ко мне.

— Между нами говоря, я не знаю, сколько остальных туристов прибудет, так что я подумал, что за сегодня и завтра мы пройдемся по всем самым классным местечкам и махнем назад за ними, чтобы они могли по-детски поприкалываться. Но если чувствуешь себя некомфортно...

— Нет, нет, всё нормально, — отвечаю я, несмотря на всю странность сложившейся ситуации. Я и правда просила его о более суровом отдыхе на природе. Я и правда просила его показать некоторые из здешних мест. Он предлагает мне именно то, о чём я просила.

Мне не стоит воспринимать это настолько извращённо. Пэт постоянно водит группы в походы, во многих из которых полно женщин. Вся эта нервозность — лишь плод моей фантазии.

***

Всё это не просто плод моей фантазии. Пэт — настоящий говнюк.

Всё началось достаточно безобидно, но чем выше мы взбираемся в гору, тем я сильнее убеждаюсь в том, что это была плохая идея. Во-первых, он ушёл с тропы, уверяя меня, что знает «короткий путь».

«Короткий путь», по-видимому, означал — прорываться через деревья и кусты, придерживаясь своего собственного пути, которым бы даже Бигфут не воспользовался.

Пока мы идём, мои ноги искусаны насекомыми и по ним беспощадно хлещут ветки, и я беспокоюсь о сегодняшней ночи. Меня совершенно не интересует Пэт. Скажем так, он мне не нравится, даже чуть-чуть. Пэт неплохой парень, но есть что-то чересчур... жёсткое в его шуточках, что посылает сигнал на мой пас*** насилия.

***Прим.: пас (анг. — dar, Damage assessment routine) — программа анализа сбоев для компьютеров.

— Так, где же это колоссальное место для созерцания звёзд? — спрашиваю я в сотый раз, наблюдая за тем, как солнце исчезает за деревьями. — Вы же говорили, что мы почти пришли?

— Так и есть, — соглашается он и вглядывается в свой ручной компас. — Разве у нас здесь не великолепные пейзажи?

— Великолепные, — соглашаюсь я. И весьма. В начале лета всё полно жизни и пышно... включая мошек. Я прихлопываю одну, что садится мне на руку. Я слышу шелест бумаги и вижу, что Пэт повернулся ко мне спиной. Мне очень любопытно, и я продвигаюсь вперёд, чтобы заглянуть ему через плечо. — Что вы делаете?

— М-м...? Ничего! — он прячет что-то, что подозрительно смахивает на карту.

— Мы заблудились? — я не обращаю внимания на то, что внутри у меня всё сжимается от ужаса. Думаю, Коул был прав, и тут же пытаюсь подавить эту мысль.

— Не смешите меня, — отвечает Пэт, после чего улыбается мне ещё одной широченной улыбкой. — Мы всего лишь делаем передышку, чтобы насладиться сумеречным воздухом.

Он делает глубокий вдох.

Я прихлопываю ещё одну букашку.

— Они кусают тебя? — спрашивает он, выказав озабоченность.

— Повсюду, — соглашаюсь я. Пэт должен был предупредить, что мне понадобится спрей от насекомых, но он сказал, что всё, что мне нужно — улыбка. Я по-настоящему сожалею, что отправилась в этот поход. Мне следовало дождаться Коула. В конце концов, что значит ещё три года жизни одинокой девственницы? Я вздыхаю.

— Присядь сюда, — призывает меня Пэт, и, взяв меня за локоть, направляет к упавшему дереву.

Пока он это делает, я слышу хруст ветки в лесу. Я поворачиваюсь, просматривая деревья. Там сумрачно, поэтому становится всё сложнее видеть.

— Что это было?

— Скорее всего, просто олень...

— Вы говорили, что в этом районе есть медведи...

— Это — просто олень, — повторяет Пэт и сжимает моё плечо. — Присядь и дай мне осмотреть твои ноги.

Я сажусь, как мне было сказано, и как только я это делаю, Пэт приподнимает мою ногу и скользит рукой вдоль моей голени. От неожиданности с моих губ срывается:

— Ой!

— О нет, — бормочет Пэт, поглаживая мою ногу. — Жалко видеть, насколько сильно вся эта красота изранена. Бедная девочка.

— Я в порядке, — говорю я, пытаюсь отдёргнуть назад ногу. Теперь этот поход уже стал Официально Стрёмным.

Пэт не даёт мне отвести ногу назад. Более того, он поглаживает ладонью моё колено, а потом бедро, и я шлепком отбрасываю её прочь.

— Держите свои руки подальше от меня!

— Не нужно так, Адди, — заигрывающе улыбается мне Пэт. — Хочешь, я намажу тебя лосьоном? У меня здорово получается помогать девушкам чувствовать себя лучше.

— Нет! Оставьте меня в покое.

Ещё один хруст ветки в лесу.

Пэт не отпускает мою ногу, и я, как могу, стараюсь пнуть ему в промежность.

— Я не шучу, Пэт. Это уже не смешно. В этом смысле вы меня совершенно не интересуете!

Уголки его губ напрягаются.

— Не смей, мать твою, меня продинамить! Зачем же ещё ты захотела прийти со мной сюда одна, если не чуток потрахаться?

Я аж задыхаюсь от изумления.

— Ради природы! И я не хотела идти одна!

— Тебе не стоит больше играть передо мной недотрогу, детка, — шепчет он. — Я — это уже решённый вопрос.

И он снова поднимает руку и скользит ею вверх, по моему бедру.

На этот раз звучит так, будто что-то громоподобно проносится сквозь лес... и направляется прямо в нашу сторону.

Глава 5

Коул

После того, как последняя туристическая группа снаряжена, я закрываю магазин и направляюсь на турбазу. Офис Ила служит местом встречи для большинства туристических групп даже в тех случаях, когда они не возглавляются Илом или его командой. Он не отказывает в этом, полагая, что оказывает услугу жителям этого городка, и те будут поддерживать нашу сторону, если тайна нашей обескураживающей уникальности выйдет наружу.

Ил считает, что если тайна откроется, это не повредит. Люди в наших краях, в большинстве своём, настроены прагматично и практичны и, скорее всего, не превратили бы нас в цирковых мартышек, нежели там, внизу, в крупных городах. Ну, как бы то ни было, я вообще не знаю, что об этом думать. То, что мы живём рядом с людьми, ещё не значит, что мы сами люди.

Я нахожу Ила в его кабинете с видом на один из многочисленных притоков, составляющих озёра Пограничных вод — огромное количество пресной воды, разделяющей США и Канаду.

— Рад тебя видеть, Коул, — рассеянно заявляет Ил, копаясь в почте у себя на столе. — Чем могу помочь?

— Ты получил моё сообщение о дельце Самсона? — спрашиваю я. На краю стола стоит тарелка печенья, и я хватаю пять из них, прежде чем Ил успевает хоть что-то возразить. — О Боже! Офигеть, как вкусно, — бормочу я с полным ртом этого мягкого и сладкого райского наслаждения. — Что в них?

— Мёд. Сахар. Масло? Да хрен его знает, — он отодвигает тарелку подальше, где я не могу до неё дотянуться. — Тебе не стоит переживать за группу Самсона. Я просмотрел тропы, по которым он планирует вести их, и все они — детского уровня. Даже Самсон сможет пройти по ним в походе, не заполучив при этом каких-либо увечий. Также не отмечено ни одной ночной вылазки. Все зарегистрированы либо здесь, на базе, либо в одной из хижин.

— Вообще-то я видел, как Самсон сегодня с кем-то куда-то уходил, — щебечет Диллон, который пришёл, чтобы стащить парочку печенья.

— С какой-то девушкой? — спрашиваю я с подозрением.

— Ага, — он тянется за добавкой, но предупреждающий низкий рык Ила заставляет Диллона отступить. — По-моему, это была та леди, которая управляет в городе тем местом, где обслуживают девчонок. Ну, там ещё есть подушки на вывеске перед входом в здание.

Я выскакиваю из кресла и впираюсь взглядом в Ила.

— Ты же говорил, что до завтра никто не идёт, и определенно не будет никаких ночёвок с палатками.

Ил поднимает руки, словно пытается отмахнуться от удара.

— Это не включено в программу его работы.

Только в этот раз я — тот, кто рычит. В ответ на это Ил с Диллоном сжимают уши. Диллон, опустив голову, пятится к двери.

Я круто разворачиваюсь на каблуках. Я не хочу драться ни с Илом, ни с его мальчишкой. Самсон — тот, кто мне нужен, и это с ним мне придётся разобраться.

— Мне нужно идти. Какое направление он выбрал?

— Кажется, он направился к тропе Басс-Лейк.

Национальный лес Супериор не для дилетантов. В этих густых лесистых районах обитают твари, с которыми не следует связываться ни одному человеку.

— Если ты задумал перекинуться, то тот домик, что на западной стороне базы, полон человеческих гостей. Ты, наверное, захочешь избежать встречи с ними, — советует Ил. — И что ты будешь делать, если поймаешь её?

— *Когда* поймаю её, — поправляю его я. — Доставлю её домой и прослежу, чтобы она поняла, что Национальный лес Супериор небезопасен для неё без проводника отсюда.

— И это всё, что у тебя в планах? — любопытствует он. Совершенно ясно, что он успел почесать языками с Лео.

— Аделаида — человек, — напоминаю я ему, покидая офис. Ил следует за мной.

— То, что у Эрика Кристиансена произошла неприятная потасовка с его девушкой, ещё не означает, что та же история может сейчас случиться и с вами. Ты старше, и у тебя гораздо больше контроля над своим животным.

— Я не пойду на такой риск с Аделаидой.

— Тогда, какое тебе дело до того, что она ушла с Пэтом Самсоном?

— А такое, что она *моя*, — я оскаливаю зубы и вылетаю прочь, не обращая внимания на сердечный хохот Ила у меня за спиной.

Для того чтобы перекинуться, много времени не требуется. Зверь прямо у меня под кожей, и вызвать его требует усилий не больше, нежели просто почесать зуд. По запаху я нахожу след Аделаиды, наряду с тем вонючим самцом. Я не предпринимаю ни малейших усилий, чтобы сделать бесшумным моё громоздкое передвижение сквозь лес. Хочу, чтобы Самсон знал о моём приходе, и если он наложит в штаны от страха... тем лучше.

* * *

— Не смей, мать твою, меня продинамить, — слышу я приказ Самсона. — Зачем же ещё ты захотела прийти со мной сюда одна, если не чуток потрахаться?

— Ради природы! И я не хотела идти одна!

Визг и пощёчина, которая следует за ним, поглощаются грохотом моего восьмисотфунтового тела (*прим. 360 кг*), когда я продираюсь сквозь кусты.

— А это что ещё за хрень? — кричит Самсон.

— Куда ты? Стой! А ну-ка вернись, сволочь ты этакая!

Когда я добираюсь до небольшой полянки, Аделаида смотрит в спину убегающего вниз по склону Самсона.

— Боже мой! — кричит она и пускается в бег, тем же путем, что и Самсон. Рванув мимо неё, я преследую Самсона. С огромным гризли, практически наступающим ему на пятки, Самсон бежит быстрее Усэйна Болта*, и мы оставляем Аделаиду далеко позади нас.

* прим.: Усэйн Сент-Лео Болт (англ. Usain St. Leo Bolt; род. 21 августа 1986 года, Шервуд-Контент, округ Трелони, Ямайка) — ямайский легкоатлет, специализировался в беге на короткие дистанции, 8-кратный олимпийский чемпион и 11-кратный чемпион мира (рекорд в истории этих соревнований).

До меня доносится едкий запах мочи, и я отклоняюсь от пути, чтобы не ступить в нее. Наконец, его хилые человеческие ножки уступают, и он падает от усталости у окраины леса. Я пригибаюсь к земле в позу выпада, и этого достаточно для того, чтобы подстегнуть Самсона снова устремиться вперед. Он вскакивает на ноги и несётся, что есть сил, напрямик к своему джипу. После нескольких неудачных попыток запустить двигатель, он, вдавив педаль в пол, срывается с места, разбрасывая гравий позади себя во все стороны.

Довольный тем, что он убрался, я разыскиваю межклановый тайник — скрытый от посторонних глаз контейнер, обустроенный в земле, или дупло, в котором содержится одежда и съестные припасы для медведей и других существ, которые перекидываются. Один из них я нахожу на полпути к Аделаиде, но размер одежды мне не подходит. Тайник, должно быть, снабжали юнцы. Штаны не застёгиваются до конца и едва доходят мне до лодыжек. Я надеваю носки, но вот от обуви отказываюсь. Футболка трещит по швам. Если я хотя бы напрягусь, могу разорвать всё это. Я завязываю клетчатую фланелевую рубашку на своей талии, прилаживая её так, чтобы мой чёртов член не болтался на ветру.

Я тороплюсь обратно туда, где была оставлена Аделаида, и нахожу её на тропе, держа в руках ветку в качестве оружия. У неё на щеках полосы от высохших слёз и большие красные рубцы, образовавшиеся от укусов комаров. Чёртов Самсон. Он даже не подготовил её.

Её прекрасные груди станут одним большим укусом, если она в самое ближайшее время не уберётся из леса.

— Коул, что ты здесь делаешь? Ты видел того медведя? Бог ты мой, он был таким огромным. Я уже подумала, что он сожрёт меня, — она то ли смеется, то ли дрожит.

— У тебя есть какой-нибудь спрей от комаров? — спрашиваю я, игнорируя все эти вопросы.

Она кивает головой.

— Я его уже нанесла, но эти насекомые всё равно кусают меня.

— Тебе нужно прикрыться, — я снимаю с талии фланелевую рубашку и накрываю ею её грудь. — Дай мне флакон, — требую я.

— В рюкзаке, — большим пальцем она указывает через плечо.

Я хватаю Аделаиду за руку и веду обратно на поляну. Пытаюсь не обращать внимания на ток, который пронзает меня в тот момент, когда мы соприкасаемся, и то, что мои штаны теперь удерживаются исключительно моим полностью возбуждённым членом. Чёрт, нет ни малейшего шанса, что Аделаида не замечает его.

— Что ты здесь делаешь? — настаивает она.

— Думаю, это я должен спрашивать у тебя, — выпаливаю я в ответ. — Я же говорил тебе, чтобы ты не ходила сюда с Самсоном.

— Ну, пожалуй, ты не привёл мне достаточно веской причины оставаться в городе, — отвечает она дерзко.

Хотелось бы мне, чтобы она не была такой чертовски очаровательной. Ну почему её кожа не может быть менее нежной, а волосы менее прекрасными? Ну почему Аделаида одевается так, как будто она — моя грязная фантазия, воплощённая в гребаную жизнь? Что я такого сделал, чтобы заслужить подобные мучения?

— Здесь есть опасности, от которых Самсон тебя не спасёт, — когда мы доходим до её рюкзака, я опускаюсь на одно колено и вытаскиваю её средство для защиты от комаров. Я распыляю его, полностью покрывая им её ноги.

— Ауч! Оно жжёт, — вздрагивает Аделаида, когда едкая жидкость попадает на покрасневшие царапины, оказавшиеся на её коже из-за веток и зарослей.

— Прости. Чёрт, — я наклоняюсь вперёд и дую на крошечные ранки.

Аделаида замирает, и тут её руки опускаются на мои плечи. Только тогда я осознаю, где я — на коленях между её ног. Если я подниму голову, мой нос окажется прямо на уровне её киски. И даже поверх отчётливого запаха средства от комаров, я чувствую запах Аделаиды.

Она пахнет как грёбанные небеса.

— Сейчас я в опасности? — шепчет она хрипло.

Я вынуждаю себя не сводить глаз с её ног — хотя это ничуть не лучше. Её голени, колени и бёдра столь же восхитительны, как и любая другая часть тела девушки.

— Нет, — удаётся мне выдавить.

— Тогда давай останемся здесь. Только ты и я, — её руки проникают в мои волосы, и от того, как она ногтями нежно царапает кожу моей головы, со мной что-то происходит. Как будто стирается напрочь всё имеющееся у меня к ней сопротивление. Не то, чтобы у меня было много с чего начать.

— На эту ночь? — я закрываю глаза и представляю себе, как скольжу руками вверх по её сочным бёдрам, пока они не встречаются на стыке её ног. Я фантазирую о том, что стягиваю вниз её шорты до тех пор, пока всё, что на ней надето, — пара крошечных трусиков, пропитанных её желанием.

Легонько толкнул бы носом пропитанную ткань в сторону, после чего провёл бы языком по её влажной, горячей киске. Я бы поглощал её, пока нежное прикосновение Аделаиды не превратилось бы в дикое. Я бы сосал, лизал и покусывал её до тех пор, пока ногти девушки не впились бы в мою плоть, и Аделаида не распугала бы всех птиц своими криками.

— Да, на эту ночь. Я пошла с Пэтом Самсоном, потому что я здесь уже три года и ни разу не ходила в поход, чтобы провести время на открытом воздухе. Я подумала... — прерывается она.

— О чём ты подумала? — мой голос звучит так, будто горло мне тщательно обработали самой грубейшей наждачкой.

Аделаида напрягается против меня и затем вздыхает.

— Я подумала, может, ты увидишь во мне нечто большее, чем балующую себя принцессу.

— Я вижу тебя, — говорю я тихо. — Ты всё, что я вижу.

— Тогда почему? — кричит она. — Почему ты меня сегодня целовал, а потом сбежал?

Глубоко вздохнув, я откидываюсь назад на корточки и свешиваю руки у себя между ног. Боль в её голосе призывает дать более честный ответ, чем я был готов.

— С тех пор как ты приехала в этот город, я ни разу не взглянул на другую женщину.

— Правда?

Я весьма жалко киваю головой. Это делает меня менее мужественным в её глазах? Возможно, Аделаида верит, что настоящий мужчина похож на Самсона, трахающего каждое жаждущее тело, которое повертит перед ним хвостом.

— Это же замечательно, но зачем держаться на расстоянии? Я... я тоже хочу тебя.

Её наполненные мёдом слова подобны афродизиаку. Я подавляю стон желания.

— Потому что я слишком большой для тебя. Ты только взгляни на эти руки.

Я поднимаю между нами свои большие грубые ладони.

— Ох, поверь, я вижу, — её щеки покрывает румянец, и я знаю, что это не из-за воздействия солнца. На этот раз мой рык слишком громкий, чтобы его не слышать, и он вгоняет Аделаиду в краску. Ещё сильнее. Она опускается на колени передо мной и кладёт свою маленькую ладошку в мою. Требуется весь мой контроль, до последней капли, чтобы грубо не подмять девушку под себя прямо здесь и сейчас.

— Неужели потому, что ты боишься всё вокруг разгромить? — Аделаида проводит руками по обнажённым из-за слишком коротких рукавов предплечьям. — Осмотрись-ка вокруг. Здесь много места, и если мы разобьём палатку, это станет отличной историей. Здесь нет ничего, что можно разгромить.

Мой член — одна сплошная пульсирующая масса. Я мог бы кончить, если бы она просто ласково провела по моей чёртовой ладони.

— Не вещи я боюсь разгромить, — говорю я смиренно. На этот раз жар опалает мои щёки. Увидь меня сейчас Лео, он бы до конца моих дней это припоминал. Раскраснелся, как какой-то молокосос, у-которого-ещё-молоко-на-губах-не-обсохло! — А тебя.

Глава 6

Коул

— Меня? — найдя это совершенно невероятным, она заливается смехом. — Коул, я ведь не хрупкий цветочек. Я... девушка с мяском. Мои бёдра и задница, — она хватает их рукой, похлопывая по этим шикарным частям тела, — наверняка достаточно большие, чтобы их можно было засечь со спутника.

Я вынуждаю себя смотреть вниз на собственные руки, а не заглядывать через её плечо. Её роскошная задница — одно из моих самых любимых местечек, достойное внимания. Я никогда не отхожу от окна, когда Аделаида идёт по улице.

— Ты очень красивая, Аделаида, — я неловко провожу рукой по затылку. — Слишком красивая для такого зверя, как я.

— Звучит как очень удобный предлог, чтобы вежливо мне отказать.

— Чёрт возьми, Аделаида, ты настолько красива, что не могу допустить даже прикосновения к тебе!

Боль исказила черты её прекрасного лица.

Я не могу придумать для неё подходящего ответа, потому что всё именно так, как я сказал, вот только она мне не верит. Она решила, что я пускаю пыль ей в глаза фальшивыми отговорками.

Аделаида встаёт и наклоняется, чтобы поднять свой рюкзак, и её рубашка распахивается, открывая глубокую тень её декольте.

Клетчатая рубашка никогда раньше не выглядела сексуальной — а сейчас? Всякий раз, подходя к своему шкафу, я точно буду думать о том, как этот простой узор обвивал великолепное тело Аделаиды, и у меня тут же встанет. Хотелось бы забрать домой её клетчатую рубашку, положить её на подушку и представлять себе, что Аделаида рядом со мной. Это было бы самым *большим* из того, как я могу иметь Аделаиду в моей постели.

Я тоже встаю на ноги и пытаюсь запихнуть свой член в сторону, чтобы он неприлично не тыкал в направлении девушки. Она всё равно не обращает на меня внимания.

— Как далеко мы от дороги? — прищуриваясь, она разглядывает безлюдную тропу. Солнце уже садится, и здесь, под сенью деревьев, не так много света.

— Наверное, где-то полчаса, — предполагаю я. Сам я мог бы преодолеть это расстояние за десять минут, но у человека это займёт вдвое больше времени. — И вряд ли ты обрадуешься, но Самсон сбежал.

— С чего ты это взял? — она поворачивается обратно ко мне.

— Я его видел.

— Ты его видел? — повторяет она. — Ты видел, как он уехал в своей машине, и всего за несколько минут добрался до этой тропы, которая расположена в получасе отсюда?

— Я двигаюсь очень быстро, — утверждаю я неубедительно.

Аделаида сужает глаза. Я мог бы легко вывести её из леса. Моё ночное зрение чертовски хорошее, однако, мне вроде как нравится быть здесь, наедине с Аделаидой, даже если она злится на меня.

— Эта твоя палатка? — Самсон проделал более-менее приличную работу по установке лагеря. Под палаткой имелся непромокаемый кусок парусины, и колья были вбиты неплохо и глубоко.

Я отбрасываю одну откидную створку в сторону и кривлю губы, когда вижу обстановку. Воздушный матрас королевского размера, покрытый двумя спальными мешками. Может быть, я неправильно истолковал ситуацию между ней и Самсоном? Может быть, она хотела быть тут с ним наедине?

— Да. Пэт взял с собой только одну. Я думала, что у каждого из нас будет палатка или я разделю её с кем-то из девушек, но этим вечером здесь больше никого не было, — Аделаида присоединяется ко мне и всматривается внутрь палатки. — Вот ублюдок! — выплевывает она, увидев матрас. — Неудивительно, что он отправил меня собирать дрова. Он был занят подготовкой всего этого, — с отвращением шипит она.

— Так значит, ты не хотела этого? — спрашиваю я с вновь появившейся надеждой, будто мне больше не о чем думать.

— Не то, чтобы это было твоим делом, но нет. Я хотела пожить в палатках, — вздыхает она. — Проклятье! Этот день скатился в дерьмо. Уже три года я пытаюсь показать тебе, что я здесь, свободна для отношений, но ты просто игнорируешь все мои намёки, вплоть до сегодняшнего утра. Ну а после того, как ты меня целуешь, то просто сбегаешь. Наконец-то мы остались наедине в этом потрясающем месте, а ты не хочешь прикасаться ко мне, потому что я слишком красивая или по ещё какой-то идиотской причине, но знаешь что?

Я мотаю головой, потому не знаю ничего. Я очарован огнём в её глазах. *Какое у неё лицо, когда она в тисках страсти? Во время оргазма её глаза горят пламенем?* Чёрт, быть сожжённым ею — было бы величайшим достижением моей жалкой жизни.

— Я буду в палатке. Можешь делать всё, что хочешь, но этой ночью я сплю в этой дурацкой палатке, а завтра, когда проснусь, я собираюсь подыскать себе место, где открыть SPA-центр, и подальше от пустоголовых мужчин. И это место станет супер популярным, потому что, как видно, есть миллионы женщин — таких же, как я, — которые устали от вас и ваших тупых игр.

Аделаида заходит внутрь палатки и резко закрывает откидную створку, шлепнув меня по лицу нейлоновым материалом. Сразу же возникает мысль: *«А что, если показать ей, насколько сильно я хочу её, насколько истинны мои чувства к ней, может быть, она поймёт и простит меня?»*

— Аделаида, — рычу я. Слова срываются с моих губ более зловеще, чем я бы того хотел. Я прочищаю горло и пробую ещё раз. — Аделаида, могу я войти?

— Зачем?

— Чтобы извиниться.

— Можешь извиниться и оттуда.

— Я не могу не сделать всё как следует, — *«я должен находиться перед тобой, Аделаида, встать на колени, чтобы я мог абсолютно точно показать тебе, как сильно я сожалею».*

— Ладно, — заявляет она раздражённо. — Что ж, тогда заходи. У тебя пять минут.

Я открываю откидную створку и делаю один шаг внутрь прежде, чем падаю на колени.

— Что ты делаешь? — спрашивает она с подозрением.

— Показываю тебе, какой красивой я тебя считаю. Как сильно хочу тебя. Каждую ночь я провожу, мечтая о тебе. Ни один день не является полностью завершённым до тех пор, пока не увижу тебя, хоть одним глазком.

Я кладу свои грубые ладони на задние части её голеней и скольжу руками вниз до верхушек её носков. Медленными осознанными движениями я расшнуровываю её ботинки, предоставляя девушке все шансы вышвырнуть меня вон. А она стоит, как вкопанная, совершенно безмолвная. Я поднимаю глаза и вижу, что её лицо излучает робкую надежду.

Я стаскиваю один ботинок, а потом другой. Ставлю ботинки в углу палатки. Следующие — её носки. Аделаида скручивает свои милые пальчики ног на полу палатки, и я слышу надо мной глубокие вдохи. Тем не менее, она продолжает выжидать.

Я наклоняюсь и целую верхушки её ступней, а затем впадинки позади каждой косточки лодыжки. Резкий вздох срывается с её губ. Там она очень чувствительная. Я высовываю язык и облизываю эти впадинки. В следующий момент я чувствую, что её изящные руки опускаются на мои плечи. Я готовлюсь к отказу, но, когда она меня не отталкивает, я пробую снова, поцелуями прокладывая путь к её голени.

С каждым новым участком кожи, на который я налетаю, хватка на моих плечах становится всё сильнее и намного увереннее. Аделаида не намерена меня отвергать. Когда я достигаю самой мягкой части её ножек — деликатной части, расположенной лишь в нескольких дюймах от её медового стыка, — я делаю глубокий вдох, позволяя своим лёгким заполниться её возбуждением.

Мои дрожащие руки окружают её талию, и я решаюсь испытать судьбу и посмотреть наверх. Голубые глаза Аделаиды прямо пылают от предвкушения. Я облизываю губы, словно уже ощущаю её вкус.

— Ты пахнешь восхитительно, — говорю я ей.

— Спреем от комаров и потом? — подшучивает она.

Я наклоняюсь вперёд и утыкаюсь носом прямо между её ног.

— Грёбаным раем.

Лицо девушки расцветает прелестным румянцем. От запаха её возбуждения я становлюсь опьянённым похотью. Я вожусь с пуговицей на её шортах, но всё же умудряюсь протолкнуть эту чертову штуковину сквозь петлицу. Аделаида втягивает воздух, когда я расстёгиваю молнию.

— Ни хрена себе, — выдыхаю я, когда раскрывается тонкое кружево её светло-голубых трусиков. — Проклятье.

Я позволяю её шортам упасть на пол и благоговейно охватываю ладонями её соблазнительные бёдра.

— Ты чертовски красивая. Если бы я управлял спутником, его камера у меня точно была бы нацелена на твою задницу.

Аделаида заливается громким смехом.

— Это правда? — спрашивает она кокетливо.

Глядя вверх на неё, я улыбаюсь. Гнев и разочарование, отражавшиеся ранее на её лице, вытеснили желание и что-то вроде эйфорического восторга. К тому времени, когда я закончу, я намерен вызвать на нём выражение чистого экстаза.

— Даже не сомневайся, — сжимаю я её ягодицы. — Вот это — произведение искусства. Никогда больше не отзывайся плохо о своём теле. Оно офигенно потрясающее.

— Я рада, что ты так считаешь. Но что-то не особо верится, никто и никогда ещё не говорил такое в отношении моей задницы.

— Тогда все они всего лишь кучка дебильных ублюдков, — бормочу я. — Детка, насколько сильно тебе нравятся эти трусики?

— Это моя любимая пара, а что?

— Где ты их достала?

— В интернет-магазине. Я заказала их... — она издаёт визг, когда, зацепив за бока, я разрезаю трусики на части. Мои когти практически мгновенно втягиваются обратно.

— Я куплю тебе дюжину новых пар, — обещаю я, после чего рывком тяну девушку вперёд. Я прижимаю ладони к её ягодицам, чтобы удерживать её неподвижно, пока упиваюсь соками, покрывающими её опухшие половые губки. Тело Аделаиды уже созрело и готово.

Как только я касаюсь её, мои вкусовые рецепторы взрываются. Я хочу ещё, ещё, ещё!

— О, Боже! — кричит она. Её коленки начинают трястись за секунду до того, как она говорит мне: — Для этого мне нужно принять горизонтальное положение.

Она резко падает назад на воздушный матрас. Её бедра открываются, и, несмотря на темноту в палатке, медвежье ночное видение позволяет мне разглядеть, как блестит её мягкая плоть. Я подтягиваю Аделаиду к себе, пока её задница не оказывается прямо на краю матраса.

— Мне просто необходимо сейчас же испробовать тебя на вкус, — я становлюсь на колени между её ножек и раздвигаю их. Вынуждаю себя замедлиться и не поглотить её сразу же. Я должен доставить Аделаиде удовольствие.

Я дую на её разгорячённую плоть, и Аделаида содрогается. Её пальцы впиваются в матрас, а сама она приподнимает бедра ко мне. Я охватываю её клитор губами, обводя языком вокруг этого напряжённого бутона.

Скольжу одним пальцем внутрь её тугого, горячего канала и улыбаюсь, когда слышу, как она задыхается, а потом её мышцы сжимаются вокруг меня. К первому пальцу следует второй, а затем, слегка подтолкнув, вписывается и третий палец. Аделаида трётся о мой рот, яростно качая бедрами напротив меня. Я вытягиваю из неё ощущения, играя своими пальцами с её нежной, чувствительной внутренней плотью.

Я люблю это. Я чертовски сильно люблю её.

Люблю уже так долго. Она — несносная нахалка, но в тоже время успешная и великолепная. Хрипло выкрикивая стоны и извиваясь подо мной, Аделаида произносит моё имя и призывает о большем, воплощая все имевшиеся у меня сокровенные фантазии. Я никогда и подумать не мог, что моим грубым и грязным рукам когда-либо будет позволено прикоснуться к чему-то столь совершенному, как она.

— Коул, прошу тебя, дай мне... мне нужно... пожалуйста, — говорит она, задыхаясь.

Неослабевающим ритмом я продолжаю врезаться в неё своими пальцами. Её тело подо мной сводит в конвульсиях, но я не останавливаюсь. Я хочу подтолкнуть Аделаиду к краю и заставить её взлететь.

Она извивается и выгибается подо мной как дикое животное, едва не сбрасывая меня с себя в своей физической нужде в ещё больших прикосновениях, в более настоятельных требованиях, в более основательных ощущениях. Такое впечатление, будто она занимается стремительным сексом, и её тело пытается компенсировать все те потерянные выходные, которые приходилось проводить в одиночестве перед телевизором, изнывая от желания, чтобы кого-нибудь овладел ею. *«Чёрт, да это ж я!»*

Именно я — тот, кто вечно один-одинёшенек. Я тосковал по ней. Проводил каждую свободную минуту, задаваясь вопросом, каковы были бы ощущения с ней, какова она на вкус. Но сейчас я здесь, хоть я и понимаю, что ни малейшая из моих фантазий, никогда не сможет сравниться с реальностью.

Ощущение такое, будто Аделаида само волшебство — влажная и горячая, и туго сжимается вокруг моих погруженных в неё пальцев. На вкус она, как изысканный мёд, сладкий и острый. Я мог бы заниматься этим часами, днями, неделями или так долго, сколько она позволяла бы мне стоять на коленях между её бедер и трахать её своим языком и пальцами.

Зверь внутри меня ревёт от удовольствия. Он рвётся наружу. Он хочет насытиться её желанием, но я заталкиваю его обратно. Сейчас я не могу потерять контроль, даже не смотря на то, что мой член просверливает дыру в полу палатки.

Под моими движущимися пальцами, под моим ненасытным ртом, Аделаиду бросает всё ближе и ближе к наивысшему пику наслаждения. Она захватывает в кулаки мои волосы, а её бедра дрожат, когда она начинает балансировать на краю.

— Давай же, детка. Кончи для меня, — призываю я. — Прямо сейчас.

Я легонько ударяю пальцем по её клитору, и тут же следует незамедлительная реакция. Аделаида сжимается вокруг моих пальцев, и её спина выгибается дугой над

матрасом. Соки её освобождения заливают мою руку, и я наклоняюсь вперёд, чтобы упиваться всем этим. Я мог бы жить, питаюсь одним её медом.

Мне хочется унести её отсюда в какую-нибудь тёмную пещеру в лесах. Я бы собирал ягоды и ловил рыбу, кормил бы её только той пищей, которую бы сам добывал. Я одевал бы Аделаиду в листья и бурые водоросли; укладывал бы её на мягком ложе из листвы, где бы брал её — как сейчас — своими пальцами и языком, снова и снова, до тех пор, пока она не забыла бы о наличии иного мира, помимо того, который для неё могу предоставить я.

Отказаться от неё я не в силах, но, когда кровь ураганом врзается мне прямо в пах, я понимаю, что не могу допустить и того, чтобы быть с ней.

Глава 7

Аделаида

Коул стоит надо мной и его лицо, когда он смотрит вниз на моё распростёртое тело, перенасыщено потребностью и похотью. Я вижу желание в его глазах, когда они светятся в темноте, и трепещу от предвкушения настолько, что у меня ноют соски.

Он назвал меня «деткой». Он сорвал с меня трусики и ласкал меня своим языком. Он трахал меня пальцами до тех пор, пока я не кончила.

Господи, оно действительно того стоило — ждать этого мужчину целых три года. Я ничуть не жалею.

Я скольжу ладонями вниз по своему животу, а потом провожу ногтями по своим бёдрам. Они по-прежнему широко разведены, и я рассеянно обдумываю, стоит ли мне свести их вместе.

— Иди сюда, Коул. Хочу, чтобы ты занялся со мной любовью.

Наверное, в какой-то момент нужно будет сказать ему, что я — девственница. Возможно, это траханье пальцами сделало немало, чтобы от этого избавиться, но я всё-таки чувствую, будто это — нечто, что Коул должен знать. Я скажу ему.

Скоро.

Но он только смотрит на меня. *«Он что, опять всё обдумывает? Пожалуйста, Боже, только не дай ему передумать».*

Чтобы стимулировать его, я скольжу руками вверх к своей рубашке. Подтягиваю вверх свою белую маечку, разоблачая бюстгальтер. Этот бюстгальтер не очень-то сексуальный, но у него есть преимущество: он защёлкивается спереди. Одним нажатием на застежку я расстегиваю его, и мои груди вываливаются наружу.

Из горла Коула с шипением вырывается воздух.

«Ну, это определенно привлекло его внимание».

Мои руки соскальзывают к грудям, и я начинаю дразнить соски. Они ноют, и я представляю себе рот Коула на них, будто он сосёт и облизывает их так же, как он делал это с моей киской. Из-за частого дыхания воздух из моих лёгких вырывается толчками, и я сжимаю груди, скользя большими пальцами по кончикам сосков.

Коул издаёт низкий стон и дёргает свой ремень. В предвкушении, я выгибаюсь дугой на воздушном матрасе. *«Теперь Коул ляжет поверх меня и оттрахает до потери рассудка».* Я с восхищением слежу, как Коул вырывает ремень и отбрасывает его в

сторону, а потом стягивает вниз джинсы. Он не носит нижнее бельё, а его член, будучи освобождённым от ограничений, просто ошеломляет. *«Ничего себе. Он крупный парень, во всех отношениях».*

Коул тянется рукой своему к члену и начинает ласкать его. От восторга с моих губ срывается вздох, и я наблюдаю, как большая рука мужчины массирует ствол, двигаясь от его основания к головке. Сначала медленно, а затем быстрее. Я никогда раньше не видела, как мужчина занимается этим. Ну, может, всего несколько минут порно, но всё по-другому, когда один из них находится прямо перед твоим носом внутри тёмной палатки.

Пока я смотрю, рука Коула движется всё быстрее и быстрее, и тогда, сжимая головку, мужчина испускает стон. Горячие, мокрые брызги летят на мои бёдра и живот.

И вновь ахнув, я приподнимаюсь на локтях.

— Ты что, только что дронил на меня?

Дыхание в его горле скрежещет, так сексуально и рычаще.

— Чёрт, я слишком сильно хотел тебя.

Коул падает на колени. Его ладонь тянется к моему животу, и Коул начинает втирать свою сперму в мою кожу.

Я... не знаю, как воспринимать всё происходящее. Мои девственные чувства немного в шоке, сильно возбуждены, и я борюсь с чувством разочарования. *«Разве он больше не собирается ко мне прикасаться? Может быть, это только начало?».*

— Итак, — спрашиваю я, облизывая губы. — Ну, что будем делать теперь?

Коул продолжает растирать свою сперму по моему животу, и я чувствую, что от его прикосновений снова возбуждаюсь. Впрочем, я и не переставала быть возбуждённой.

— Теперь мне, наверное, нужно собрать немного дров и заняться розжигом костра.

«Что?»

«ЧТО?»

Коул встаёт на ноги и отворачивается. *«Он что, уходит?»* Вижу, как он расстёгивает молнию палатки, но прежде чем он успевает развернуться и уйти, я хватаю его за штаны. Коул какое-то мгновение размахивает руками словно мельница, а потом падает спиной на воздушный матрас, приземляясь прямо возле меня.

Слышится хлопок, и вся эта штуковина подо мной со свистом начинает сдуваться.

— Привет, — говорю я, когда Коул поворачивает голову и смотрит на меня. Его лицо всего в пару дюймах от моего.

— Зачем ты это сделала?

— Да, видишь ли, мне как-то не очень хочется, чтобы ты уходил, — отвечаю я ему тихо.

Я протягиваю руку и откидываю с его лба прядь чернильно-чёрных волос. В тени Коул выглядит гораздо более угрожающим, нежели при дневном свете. Поразительно, как это возбуждает меня. Его кожа такая тёплая, и мои пальцы прослеживают дорожку вниз по линии его челюсти, где отросла грубая щетина. О, Боже! Я помню, как эта щетина касалась внутренней поверхности моих бёдер. Из моего горла вырывается слабый стон.

Коул тоже стонет и охватывает своей ладонью мою собственную. Он наклоняется вперёд и обнюхивает моё запястье, что кажется мне довольно странным жестом. А потом Коул вдруг берёт кончик моего пальца в рот и прикусывает его.

— Просто я... боюсь причинить тебе боль, — признаётся он хриплым голосом.

— Потому что я девственница?

Мужчина неподвижно замирает.

— Ты что?

«О, нет!»

— Я девственница, Коул. Я дожидалась тебя. У меня было множество предложений от других парней. Они говорили мне, что заинтересованы, но я ждала своего единственного, — мой палец прослеживает вдоль щетины на подбородке мужчины до его полной нижней губы, и я поглаживаю её подушечкой указательного пальца. — Когда я увидела тебя, то сразу поняла, что хочу тебя. Не отталкивай меня больше. Прошу тебя.

Я почти что ожидаю, что от одной мысли о том, что я девственница, Коул, перепугавшись, вылетит вон в спущенных штанах, болтающийся на щиколотках. Он ведь уже переволновался, что может каким-то образом сломать меня.

Вместо этого мужчина нависает надо мной и прижимает мою руку обратно к сплюсненному матрасу. Дыхание Коула — хриплый гортанный скрежет, а его лицо — так близко к моему, что я чувствую теплоту его дыхания и ощущаю пряный мускус его запаха с примесью ароматов природных просторов.

— Ты берегла себя для меня?

Своим весом он вжимается меж моих ног, его бёдра лежат поверх моих, и мне приходится бороться с желанием обернуть ноги вокруг него и сцепить щиколотки. Я киваю головой в знак согласия.

— Это тело полностью моё? — Боже, его голос — сплошной гортанный рык. От него у меня покалывает в разных местечках. И я вновь киваю.

Коул издает ещё один хриплый стон, ну а потом его рот вдруг набрасывается на мой. Находясь под ним, я успеваю лишь ахнуть от изумления, так как меня застаёт врасплох неистовство этого поцелуя. Впрочем, это мне очень даже нравится. Когда Коул своими губами агрессивно сдавливает мои, я начинаю хныкать и вновь выгибаюсь дугой напротив него, раскачивая бёдрами. Его язык погружается в мой рот, и я скольжу своим к его рту, вдохновляя Коула дать мне больше.

Его ладонь накрывает мою грудь, и я вскрикиваю, потому что меня переполняют такие восхитительные ощущения. На кончиках пальцев и ладонях есть мозоли, и они трутся о мой сосок, сводя меня с ума.

— Тебе это нравится? — голос у него хриплый и глубокий, и, слыша его, я становлюсь мокрой. — Тебе нравится, когда я касаюсь тебя своими большими, грубыми руками, Аделаида?

Я издаю стоном.

— Боже, конечно да!

Коул сжимает мой сосок между пальцами, и когда я испускаю стон, он скользит рукой вниз по моему липкому животу. Его бёдра приподнимаются с моих, и мгновение спустя я чувствую, что его пальцы проникают между моими складочками.

— Охренеть, ты уже вся насквозь мокрая для меня. Поверить не могу, что я — единственный, кто вот так к тебе притронулся. Ты, блин, самая горячая штучка, которую мне доводилось видеть. И ты сберегла эту сладкую киску для меня?

Я киваю головой, пытаюсь перевести дыхание. Коул настолько близок к тому, чтобы коснуться моего клитора, что чувствую, как с каждой проходящей секундой я становлюсь всё более и более влажной.

— Я должен сделать тебя своей, — рычит он и утыкается лицом мне в горло. Его пальцы надавливают на мой клитор и потирают, и я вздрагиваю, словно от шока.

Мои пальцы впиваются ему в плечи.

— Да! Сделай меня своей. Я вся твоя, Коул.

Одной ногой я скольжу вокруг его бёдер и потираю ступней его упругую задницу. Боже, от задницы Коула просто дух захватывает!

Коул вновь рычит; а когда он покусывает моё горло, всё мое тело пронзает поразительно острое возбуждение.

— Аделаида, ты хочешь, чтобы я тебя взял?

«Боже, да постоянно». Я прижимаю Коула к себе ещё крепче.

— Я твоя.

Он хватает мои бёдра и широко раздвигает мои ноги, вновь пристраиваясь между ними. Я цепляюсь за его шею в ожидании гораздо большего, чем поцелуи, и что он вытащит презерватив, чтобы мы могли перейти на другой уровень отношений.

Но головка его члена осторожно надавливает на вход, и я забываю обо всём.

— Я собираюсь сделать тебя своей, — выдыхает Коул. Он утверждает мои уста требовательным, жёстким поцелуем и тогда толкается внутрь меня.

На долю секунды появляется такое ощущение, будто меня разорвали на куски. Слабый вопль вырывается из моего горла, только чтобы быть поглощённым его поцелуем.

— Ш-ш-ш, — шепчет мне Коул, прижимая меня к себе, пока я дрожу. — Моя Аделаида.

Пульсация внутри меня сменяется тупой болью, а затем медленно стихает. И когда это происходит, я начинаю ощущать, как его крупный вес давит на меня, насколько глубоко он внутри меня, насколько близко мы друг к другу. И мне уже начинает это нравиться.

Я меняю своё положение, смутно осознавая находящуюся у себя под спиной твёрдую землю, но в то же время особенно остро ощущаю Коула и то, как он меня покрывает.

— Ничего, если я начну двигаться? — спрашивает он и легонько прижимается своими бёдрами к моим.

Я киваю головой.

Коул прижимается ко мне и медленно выходит из меня, после чего вновь толкается обратно. Это вызывает лёгкую боль, а кроме этого — остальное совсем не болезненно. Коул снова целует меня, а его язык кружит вокруг моего, в то время как сам он начинает неспешным ритмом толкаться в меня. После первых нескольких толчков я больше не чувствую дискомфорта и начинаю получать от этого удовольствие.

А ещё я начинаю волноваться, что не принимаю активного участия. *«Должна ли я поднимать бёдра? Подаваться навстречу ему? Играть с его сосками? Ненавижу быть девственницей»*. Я скольжу рукой вдоль его бока.

— Скажи, что ты хочешь, чтобы я сделала? Как мне прикасаться к тебе?

— Можешь прикасаться ко мне, как тебе хочется, детка, — говорит он мне и делает очередной толчок, на этот раз сильнее.

Дыхание перехватывает, и я стараюсь не забывать скользить рукой по коже Коула, поглаживая его везде, где только могу. Мне нравится ощущать его сильную спину и мягкую кожу его ягодиц поверх твёрдых, как сталь, мышц. В это самое время Коул

продолжает врезаться в меня и бормотать собственнические речи. Чувствую я себя хорошо, но не так, как раньше, когда он сводил меня с ума. Как бы... приятно. Больше удовольствие мне доставляет ощущение его крупного тела поверх своего, нежели всё остальное.

Коул прикусывает мочку моего уха.

— Ну, Аделаида, как это ощущается?

— Хорошо? — я напрягаюсь. — Я делаю что-то не так?

— Не-а. Не ты, а я, — он снова целует меня и нежно посасывает мою нижнюю губу до тех пор, пока я не начинаю стонать от желания по его поцелуям. Боже, обожаю целовать Коула! Я могла бы делать это недели напролёт.

Затем Коул берёт меня за бедро и подтягивает вверх, к себе, меняя угол расположения моих бёдер. Он хватает одну из подушек у меня над головой и подталкивает её под мою задницу, после чего вновь врезается в меня.

На этот раз я вскрикиваю от изумления.

— Теперь всё ощущается... по-другому.

— По-другому, в хорошем смысле? — раскачивая бёдрами, Коул снова врезается внутрь.

И, Боже правый, это так здорово. Я чувствую, как в области живота сосредотачивается что-то неуловимое.

— Ох,... определённо в хорошем, — я прикусываю губу и сосредотачиваюсь, пытаюсь приподнимать бёдра вместе с ним, желая получить больше этих ощущений. Коул приостанавливается, и я ещё сильнее сжимаю его плечи. — Не останавливайся.

Мужчина посмеивается и начинает врезаться в меня ещё сильнее, увеличивая темп и интенсивность своих толчков. В то же время восхитительные ощущения в глубинах моего чрева продолжают усиливаться. Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на них, а мои ногти впиваются в плечи Коула.

Его следующий толчок — дьявольски жёсткий, однако, из-за этого меня накрывает невероятными ощущениями.

— Боже, — выдыхаю я. Он повторяет это опять и опять. — О, — выпускаю я.

— Моя Аделаида, — рычит он. — Охренеть, какая ты красивая.

Коул смотрит вниз на меня, и я понимаю, что силой своих толчков он передвигает нас обоих через всю палатку, и это кажется невероятным. Но я всё ещё не кончаю. Почти у цели, но не полностью.

Я напрягаюсь, приподнимая свои бёдра навстречу каждому его толчку.

— Господи. Коул! Мне нужно...

— Знаю, — отвечает он. Я чувствую, что он сдвигается напротив меня, а затем тянется рукой между моих ног. Когда Коул в очередной раз толкается в меня, он начинает тереть мой клитор своими пальцами.

Ну, вот и оно. Всё внутри меня сжимается, и слабый всхлип вырывается из моего горла, когда моё тело сжимается вокруг него. Меня пронзает оргазм — сильнее и в тысячу раз интенсивнее тех, что я когда-либо дарила себе при помощи вибратора. Я теряю над собой контроль — взрываюсь на миллиарды крошечных кусочков — и всхлипываю от крайней интенсивности пережитого мною оргазма.

— Теперь ты моя, — заявляет Коул, а затем снова покусывает зубами моё горло. — Господи, ты ощущаешься чертовски потрясающе. Своей сладкой киской ты выжимаешь из моего члена всё до последней чёртовой капельки, разве нет?

Я не в силах ответить. Я лишь всхлипываю, в то время как он врывается в меня снова и снова, посылая сквозь мое тело всё больше и больше взрывных волн оргазменного наслаждения.

— Аделаида! — с рыком выдаёт он моё имя, и я чувствую, как всё его тело напротив меня содрогается от силы его собственного оргазма. И тогда мужчина испускает рёв.

И... Бог ты мой! Коул звучит точно так же, как тот медведь.

Глава 8

Аделаида

Поначалу мне кажется, что этот рык исходит от Коула. Но, на самом деле, это прозвучало в точности, как у того медведя.

Это означает, что, пока мы занимались любовью, медведь вернулся... и прямо сейчас находится снаружи нашей палатки.

— Коул! — шепчу я, цепляясь за него. — Медведь вернулся!

Он издает стон настолько громкий, что я вздрагиваю, после чего он утыкается лицом мне в грудь и обрушивается на меня, крайне истощенный своим оргазмом.

— Нет, нет, нет-нет-нет, — я толкаю его, пытаюсь призвать его подняться. — Коул, мы не можем сейчас отдыхать и расслабляться. Медведь...

— Тут нет никакого медведя, — сонно бормочет он и лениво облизывает один из моих сосков. — Черт, Аделаида. У тебя очень красивые груди.

— Коул! — шлепаю я его по плечу. — Я слышала медведя!

— Тут нет никакого медведя, честно.

— Но...

Он поднимает голову и смотрит на меня.

— Детка... У меня есть тайна.

Я таращусь на него с широко открытыми глазами. Мы забыли о презервативах, и теперь он скажет мне, что у него ИППП (*прим. ИППП — инфекции, передаваемые половым путем*).

Это, конечно, ужасно, но не настолько ужасно, как быть съеденным медведем.

— Сейчас не самое подходящее время, Коул. Медведь...

— Это я, — он медленно кивает головой. — Это был я, кого ты слышала. Тот медведь — я.

Я пялюсь на него. С моих губ срывается фырканье.

— Ой, да брось, я тебя умоляю.

Он сужает глаза, окидывая меня уязвленным взглядом. И я понимаю, что он... не шутит. Он считает себя медведем.

О, боже! Да он же псих. Так вот почему такой горячий, сексуальный мужчина столь долго оставался одиноким. Он помешан на медведях, или он считает себя медведем в теле мужчины, или же у него какое-то сумасшествие вроде этого.

Я ударяю его по руке.

— Давай не будем говорить о твоих фетишах, когда снаружи настоящий медведь, готовый нас сожрать?

— Аделаида! — он придавливает оба моих запястья своими руками. — Ты меня совсем не слушаешь. Я — тот медведь. Это и есть моя тайна. Я — оборотень. Вот как мне удалось избавиться от Самсона. Вот откуда я знал, что он смылся. Вот почему медведь так и не вернулся. Тот медведь — это я.

Я хмурю брови.

— Я... ничего не поняла. Как ты можешь быть медведем?

— Ты когда-нибудь слышала о вервольфах?

— Как тот парень из «Сумерек»?

Он заметно вздрагивает.

— Тьфу. Что-то типа того. Я — медведь-оборотень. Я перекидываюсь в медведя. Все в моей семье обладают этой способностью. Это передается от поколения поколению. На самом деле большинство местных жителей этого городка — того или иного вида оборотни.

Я долго смотрю на него, пытаюсь переварить этот сюрприз.

— Ну? — спрашивает он, выпуская мои запястья. — Что ты об этом думаешь?

Я врезаю ему кулаком по плечу.

— Коул Брэкстон, я думаю, это самая большая нелепость, что я слышала в жизни! Seriously! Если тебе хочется просто переспать со мной и бросить, то, черт тебя дери, так бы и сказал! Ей-богу, хватило же у тебя наглости подумать, что я поверю в эту твою дебильную историю...

Он тяжело вздыхает и скатывается с меня. В тот же момент, когда его тело отделяется от моего, я сразу же чувствую себя... одинокой. Он встает на ноги и скидывает пинком со своих лодыжек штаны, а затем срывает свою рубашку.

— Что ты делаешь?

— Я собираюсь показать тебе, — говорит он. — Идем.

Я удивленно смотрю, как он вылетает из палатки, абсолютно голый. Куда, ради всего святого, он собирается? Тот гребанный медведь все еще где-то здесь. Я дергаю свою рубашку вниз, поверх моих обнаженных грудей, и пытаюсь натянуть ее подол на задницу, так как у меня больше нет трусиков. Хотя это гиблое дело, и через несколько минут я выхожу из палатки с подушкой, пристроенной прямо перед моими девчачьими прелестями.

— Коул! Вернись!

Он отходит на несколько футов, сверкая своей аппетитной, мускулистой задницей. Тогда он останавливается, оглядывается через плечо на меня и приседает на корточки.

Что там этот спятивший дурак делает? Я уже собираюсь спросить об этом вслух, когда снова слышу рычание медведя...

...и оно исходит от него. Пока я смотрю, его кожа начинает поддергиваться рябью, и я слышу хруст костей. О, Господи. С моих губ срывается писк, и я тут же прижимаю к лицу подушку, потому что не могу смотреть на это. Черт, я не могу даже «Анатомию страсти» без содрогания смотреть (*прим. американский телесериал, созданный Шондой Раймс. В центре сюжета — жизнь интернов, врачей и прочего персонала больницы «Сиэтл Грейс»*). Все, что я знаю, — что-то происходит с телом Коула.

Я слышу целый ряд шокирующих хрустов ломающихся костей и шуршание в траве, и в следующий момент, выглянув поверх подушки, я вижу, как рука Коула превращается в большую мохнатую лапу. И тогда я медленно опускаю подушку вниз, будучи более чем шокированной тем, что вижу.

Это — медведь. Огромный медведь гризли. Страх пронзает меня насквозь, но тут он садится на задние лапы и опрокидывается на спину, в приветствии махая мне лапой.

Это Коул.

Он не лгал. Чувствую, что глаза у меня настолько округлились, что стали огромными, размером с тарелки.

Он начинает кувыркаться в траве, после чего неуклюже понимается на ноги и приближается ко мне. Сжимая подушку, я отступаю назад до тех пор, пока не наталкиваюсь на стенку палатки. Мне должно быть страшно. Но это всего лишь Коул. Превратившийся в медведя.

Все нормально.

Он обнюхивает меня, после чего облизывает мне руку.

— Ты не мог бы сейчас измениться обратно? — спрашиваю я тоненьким голоском. Я правда не знаю, что обо всем этом думать. Большинство местных жителей этого городка — того или иного вида оборотни?

Понятно, почему я всегда чувствовала себя такой чужачкой. Я полностью, всецело человек. У меня нет ни малейшей возможности сделать что-нибудь подобное. Я смотрю, как сутулятся плечи Коула, и он начинает изменяться обратно, а я еще раз закрываю глаза. Не хочу на это смотреть.

Несколько минут спустя большие руки выхватывают у меня подушку и забрасывают ее обратно в палатку, а Коул ухмыляется мне сверху вниз, его волосы слегка взъерошены и вспотевшие.

— Ты — медведь, — выдыхаю я.

— Ну да.

— Ты не псих.

— Не-а.

Какое-то мгновение я перевариваю все это, тогда как он возвращается внутрь палатки, а потом тянет меня за руку, требуя, чтобы я присоединилась к нему. Я следую за ним, а он ложится на спину на теперь уже сдувшийся, плоский матрас и расслабляется. Все еще ошеломленная, я сажусь рядом с ним. Он тянет меня к себе и начинает покусывать мне плечо.

— Но как...

— Я уже говорил, это заложено в родословной. Просто это то, что в моей семье было испокон веков, — он отталкивает в сторону мои волосы, чтобы обнажить шею, и легонько посасывает небольшой участок моей кожи. — Черт, ты так сладко пахнешь.

— Так из-за этого ты никогда не подкатывал ко мне? Несмотря на то, сколько раз я с тобой заигрывала? Потому что ты медведь, а я нет?

— Люди — под запретом, — признается он, и что-то не похоже, что он рад этому. Однако в следующий момент он прижимает меня к себе. — Тем не менее, никто тебя у меня не заберет. Ты — моя пара.

— Да? — пишу я.

Он кивает головой и опускает руку на мой живот.

— Я взял тебя и, возможно, подарил тебе ребенка.

— И что?

— А то, хочу быть отцом твоего ребенка. Если у тебя такой будет, — добавляет он.
— Нам не обязательно заводить семью прямо сейчас.

— Офигеть, вот спасибо, — говорю я саркастически. Я пытаюсь рассердиться на него, однако это так трудно, когда мужчина, которого я вождедела целых три долгих года, целует мою кожу и говорит о создании семьи. — Коул?

— Ммм? — он потирается носом, следуя линиям изгиба моей груди.

Дрожь сотрясает мое тело, и я чувствую, как при его прикосновении у меня ускоряется пульс.

— У тебя будут неприятности из-за того, что ты спал со мной?

— Плевать. До тех пор пока мы храним нашу тайну, я смогу справиться со всем. Я переговорю с Илом.

Ил является владельцем загородной турбазы. Я свожу брови, узнав и эту часть информации, и тут я задыхаюсь, так как Коул облизывает мой сосок.

— Подожди, ты отвлекаешь меня. Зачем тебе говорить с Илом? В чем тут тайна?

— Медведи, — отвечает он и снова облизывает мой сосок. — Это и есть тайна. А Ил у нас главный.

— Главный? — вторю я эхом. Черт, мне становится все сложнее думать из-за всех этих непрекращающейся прикосновений.

— Ага, — он утыкается лицом в ложбинку между моих грудей и прижимает меня к себе сильнее.

— Все в этом городке? — спрашиваю я очень слабым, почти неслышным голосом.
— Обратни?

— Почти.

— Все, кроме меня?

— Тебя и еще несколько человек.

— Лео?

Одно мгновение он колеблется.

— Обратень. Ты же никому не расскажешь, да?

— Да кому я могу рассказать? Думаешь, кто-то поверил бы мне, если бы я позвонила в местные новости и сказала б: «Эй, а знаете, мой парень может превратиться в медведя»?

Он расплывается в улыбке, и его белоснежные зубы сверкают в темноте.

— Так я твой парень?

Чувствую, что начинаю немного нервничать насчет этого. А как еще можно назвать мужчину, который зарылся своим носом вглубь ложбинки между моих грудей?

— Да?

Он снова издает рык, и, судя по голосу, он доволен.

— Отлично.

— Моя ассистентка Дженн? Семья Миллеров? — спрашиваю я, пока он приподнимается вверх, чтобы поцеловать меня. — Они медведи?

— Да, они члены этого клана, — он меняет направление движения, предпочитая целовать меня в подбородок, а потом двигается к моей шее.

— А как насчет Пэта?

— Только не Пэт, — выдает он фырканием. — Этот человек — тот еще debil. И давай больше не будем о нем говорить.

Пэт — нет. Это хорошо.

— А что насчет...

— Детка, более подробно я расскажу тебе попозже. Ну, а прямо сейчас все, о чем я могу думать, — это твой запах.

— М-мой запах?

— У медведей острое чувство обоняния,... а ты, Аделаида, охренеть как удивительно пахнешь. Я не говорила тебе об этом? — его рука скользит между моих ног, и я чувствую, как его пальцы погружаются в мою ноющую киску. — Обожаю, что это принадлежит мне, детка.

Я испускаю стон, и мои руки обнимают его за шею. Мы договорим обо всем позже. А прямо сейчас, все, о чем я в силах думать, — это губы Коула на моей коже и его пальцы, погруженные глубоко внутри меня.

И я вот гадаю, обладают ли медведи большой выносливостью.

***

Некоторое время спустя я убеждаюсь, что да, медведи и впрямь обладают большой выносливостью. Несколько раундов восторженного и энергичного секса позже, я укладываюсь к Коулу на грудь, и мы погружаемся в сон. Из-под непромокаемого брезента мне в спину врезаются ветки, но мне плевать. Чересчур уж я обессиленная, чтобы заботиться об этом.

Однако мой разум не перестает работать.

— Как насчет Франсины из кофейни?

Он посмеивается.

— Аделаида.

— Прости. Ну да, я просто в шоке. Весь городок, подумать только! — я прижимаюсь к нему еще теснее. — А они не разозлятся, что ты мне об этом рассказал?

Его руки сжимаются вокруг меня.

— Детка, да плевать мне, разозлятся они или нет. Ты принадлежишь мне, и я никогда тебя не отпущу.

По некоторым причинам я в восторге от этого. Счастливо вздохнув, я погружаюсь в сон.

Глава 9

Коул

— Ты уверена, что хочешь туда пойти? — я выключаю двигатель. Этим утром я сбежал и взял грузовик, потому что ни за что не заставил бы мою Аделаиду шагать обратно всю дорогу пешком.

— Конечно. Мы ведь пара, верно? — она машет между нами указательным пальцем. Настороженно я киваю головой «да». — Тогда мы пойдем туда вместе, раз мы оба в это вовлечены. И потом, а вдруг Ил сорвется на тебя? Я буду рядом, чтобы сказать ему, что это я вытащила это из тебя наружу.

Я пробегаю взглядом по ее сексуальному телу. Даже если Ил купился бы на маловероятную историю, что Аделаида принудила меня что-то сделать, я бы не позволил ей взять на себя хоть толику вины.

Я не смог держаться от нее подальше. Теперь я это понимаю, но я чертовски уверен, что мог бы держать свой рот на замке. Я этого не сделал, потому что хотел, чтобы Аделаида спарилась со мной. Хотел, чтобы у нас были детеныши и ее особый аромат наполнял мой дом, где я мог бы ею обладать днями и ночами.

— Если Ил выйдет из себя, он разозлится на меня. Ты вне какой-либо опасности, — успокаиваю я Аделаиду, помогая ей выйти из грузовика.

— Этого еще не хватало. Если он не сумеет сдерживать свой язык, мне придется сказать ему, что я больше не буду принимать клиентов с турбазы, — она задирает нос повыше и уверенным шагом марширует в направлении турбазы, словно одета в деловой костюм, а не в обтягивающие джинсовые шортики и наполовину расстегнутой клетчатой рубашке.

Когда мы подходим к турбазе, на его ступеньках в ленивой позе, развалившись, сидит Лео. Он не испытывает никаких угрызений совести и самодовольно таращится на Аделаиду, как будто она — свежие медовые соты, только что сотканые жирными, вскормленными в теплицах пчелами. Низкий рык мужского доминирования и стремления бросить вызов эхом доносится из моей груди. Его взгляд скользит вверх, чтобы встретиться с моим, после чего опускается на его ботинки, чтобы показать мне, что беспокоиться мне не о чем. Все же в это одно короткое мгновение я перехватываю отблеск дьявольского коварства.

— Хорошо повеселились в лесу?

— Эээ..., ну да? — откликается Аделаида.

— Да заткнись ты, кретин, — отвечаю я и осторожно подталкиваю Аделаиду вверх по лестнице. Мне кажется, сейчас не самое подходящее время признаваться ей, что, хотя сосны и могли обеспечить достаточное прикрытие для видимости, звуки и запахи нашего спаривания не ускользнули бы ни от одного медведя в радиусе пяти миль.

— Я всего лишь хотел убедиться, что вы хорошо провели время, — весело и беззаботно врет Лео. Он и так знает, что нам было хорошо. Просто он подкалывает меня, тем не менее, не в моих силах разозлиться по-настоящему, потому что после трех лет ожидания я наконец-то заполучил Аделаиду. А теперь я намерен сделать все возможное, чтобы удержать ее.

— Лучше, чем у тебя было с кем бы то ни было, за исключением розовой ладони (*прим. Розовая ладонь - (Rosy Palm) - способ мастурбации для мужчин, при котором нужно смазать ладонь и член и тереть верхушку головки члена о ладонь другой руки*), — бормочу я, проходя мимо его.

— Правая рука — это свидание на регулярной и надежной основе, — ухмыляется Лео. — Ну и к тому же она точно знает, как мне больше нравится.

— Тебе надо почаще куда-нибудь выбираться. Может в лес отправиться. Ну, на меня поработать, — предлагаю я великодушно.

— Возможно, мне и правда это нужно.

В прохладном фойе турбазы Аделаида приподнимает свои безупречные брови.

— Розовая ладонь? Ты только что сказал Лео, что он только и делает что сидит, да мастурбирует?

Мои щеки окрашиваются неловким румянцем, как у школьника, пойманного учителем при передаче пошлой записки.

— Ну, это зависит от того, раздражает ли это тебя.

Она взрывается смехом.

— Нет, конечно. Это напоминает мне кое-кого из друзей в моем родном городе. Они постоянно подшучивают друг над другом.

— Ладно, ну тогда, да. Но это было всего лишь дружеской подколкой.

— Я рада, потому что Лео кажется славным парнем.

Славным парнем? Мне это совсем не нравится. Нахмурившись, я смотрю на нее и даже не пытаюсь остановить недовольный рык, который грохочет у меня в горле.

Аделаида похлопывает меня по руке.

— Успокойся, здоровяк. Меня заводишь лишь ты один. На днях Лео приходил ко мне и велел не отказываться от тебя, когда ты повел себя как тупоголовый болван.

Вот черт. Теперь мне придется быть с Лео любезным и вежливым.

— Очень порядочно с его стороны, — признаю я неохотно.

— Именно, разве нет? — она улыбается, как будто ее вообще не беспокоит то, что она просит меня быть любезным с Лео.

Я бормочу себе под нос что-то насчет того, что, любезничая с Лео, только испорчу себе весь день. Она просто поглаживает меня по плечу, и если честно, до тех пор, пока она дарит мне эти маленькие ласки, я, скорее всего, сделаю все, чего ей захочется.

Ее веселая манера поведения исчезает, как только мы доходим до офиса турбазы. На мой стук в дверь громкий голос Ила приглашает войти.

— Не волнуйся, — шепчу я ей на ухо. — Он не кусается.

— Ил, хочу тебя познакомить с Аделаидой. На днях я тебе о ней рассказывал. Аделаида владеет спа-салонами в этом городке. Вы, наверное, уже знакомы друг с другом.

Ил обходит свой стол примерно тремя гигантскими шагами.

— Рад вас снова видеть, Аделаида. Теперь, когда вы открыли свой бизнес, к нам выбираются намного больше супружеских пар, — он мотает головой, глядя на ее протянутую руку. — Мне нельзя к вам прикасаться, или вот этот дружище оторвет мне голову.

Я окидываю Аделаиду взглядом «прости», тем не менее, Ил прав. Моя потребность — быть уверенным, что ее тело покрыто именно моим запахом, несмешанным с запахами любых других мужчин, со временем ослабеет, но в данный момент она — чертовски острая. Нет необходимости устраивать ненужную драку за доминирование.

Ил взмахом рукой указывает в направлении кресла, однако я тороплюсь вернуться домой. Мы с Аделаидой оба через два часа должны открыть свои магазины, а это едва дает нам достаточно времени, чтобы вернуться домой, заняться сексом в душе и вернуться обратно в город.

Я обнимаю Аделаиду за плечи.

— Аделаида теперь моя пара. Я рассказал ей, что я медведь и что большая часть населения Пайн-Фоллса оборотни.

Она испускает писк на это грубоватое объятие, но от меня не отходит.

— Я не собираюсь никому рассказывать. Клянусь! — она выставляет свою руку вверх, как будто приносит присягу на несуществующей библии.

Ил прислоняется задницей к передней стороне своего стола и скрещивает руки.

— Ну и долго же ты тянул, — заявляет он мне.

Аделаида прокашливается, прижимая ко рту ладонь, чтобы скрыть смех. В ответ ей его губы растягиваются в улыбку. Она ему нравится и не возникнет проблем с тем, чтобы позволить ей остаться в клане. Мое сердце наполняется чувством удовлетворения.

— Аделаида стоит того, чтобы ее ждать, — говорю я им обоим, и она вздыхает.

Ил поворачивается к ней.

— Мы не стыдимся нашей природы, Аделаида. Все же среди вас есть немало тех, которые могут оказаться не такие понимающие, как ты. Именно поэтому мы осторожны относительно того, когда, как и почему мы делимся этой информацией.

— Понимаю, — одна ее ручка обвивается вокруг меня, и я глубоко тронут этим проявлением демонстрации ее поддержки. — И я никогда не сделала бы ничего такого, что поставило бы под угрозу Коула или его семью. А вы — его семья.

Ил кивает в согласии.

— Да. А теперь мы все и твоя семья. Вайолет испекла еще одну порцию того медового печения. Вам следует прихватить парочку на обратном пути.

Так Ил говорит нам, что эта встреча окончена, и он хочет, чтобы мы ушли.

В любое другое время я бы остановился и раздобыл бы пару дюжин печенья Вайолеты, чтобы запихнуть их себе в рот, но гораздо больше я заинтересован доставить Аделаиду домой. Там на кухне пусто и нет ничего, что может приготовить Вайолет, что было бы вкуснее Аделаиды.

— Я открою магазин вместо тебя, — кричит Лео, в то время как я вытаскиваю Аделаиду из турбазы и прямо в грузовик.

Она смотрит на меня с сожалением.

— Мне, наверное, надо пойти и проконтролировать открытие моего магазина. Там сейчас кто-то есть, но я все равно должна быть там...

Я целую ее в лоб.

— Без проблем. Мы проведем всю оставшуюся жизнь вместе.

И я имею в виду именно это.

Конец